

**Екатерина Коути
Елена Владимировна Прокофьева
Джейн Остен и ее современницы
Серия «Окно в историю»**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11830966

*Екатерина Кош, Елена Прокофьева. Джейн Остен и ее современницы: БХВ-Петербург; Санкт-Петербург; 2015
ISBN 978-5-9775-3504-5*

Аннотация

Книга повествует о Джейн Остен и ее самых известных современницах, чьи книги, поступки и скандалы сформировали облик Англии конца XVIII – начала XIX века. Некоторые из этих женщин принадлежали к высшему свету, другие же пробились наверх благодаря целеустремленности и отваге. Жизненный опыт каждой был отмечен взлетами и падениями, блистательными свершениями и страшными трагедиями. Поклонникам Остен будет интересно рассмотреть ее жизнь и творчество в контексте биографий ее знаменитых современниц.

Для широкого круга читателей.

Содержание

Предисловие	5
Глава I	7
Глава II	37
Глава III	55
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Екатерина Кош, Елена Прокофьева

Джейн Остен и ее современницы

Посвящается нашим мамам, Людмиле Треножниковой и Ирине Чернышевой

© Коути Е. К., Прокофьева Е. В., 2015

© Издательство «БХВ-Петербург», 2015

Авторы выражают благодарность *Алие Зубаировой* и *Людмиле Треножниковой* за помощь в работе над текстом, а также *Екатерине Пекур*, *Анне Вурье* и *Наталье Райбман* за предоставленные фото

Предисловие

Эпоха Джейн Остен... Шумные балы и поездки на воды, катания в фаязонах и, казалось бы, совсем невинные домашние спектакли, за которые можно схлопотать выговор от главы семейства, прогулки по аллеям старинных усадеб, ампирные платья-колонны с завышенной талией, изящные манеры и улыбка на устах, даже когда кажется, что мир вокруг рушится...

Мир Остен ассоциируется у современных читателей в первую очередь с эпохой Регентства. То был блестящий, но недолгий период с 1811 по 1820 год, когда Великобританией правил принц Георг, заменивший на троне своего безумного отца. На самом деле, Джейн Остен застала лишь первую половину Регентства, ведь слишком рано угасла ее собственная свеча. Большая же часть жизни писательницы пришлось на XVIII столетие, а тогда Англия была совсем иной.

Мы уже привыкли к образу английского джентльмена XIX века, застегнутого на все пуговицы, но символом XVIII века, согласитесь, все-таки остается гуляка и балагур Джон Буль, любитель ростбифа, выпивки и сальных шуток. Нравы были свободнее – как в народе, так и среди аристократии. Хотя строжайший придворный этикет никто не отменял, джентльмены вне парламентской сессии вели себя как им вздумается, без оглядки на мораль. Своих женщин они тоже не изнуряли запретами: знатные дамы заводили любовников, пока их мужья деликатно смотрели в сторонку, куртизанки превращались в леди, сельские простушки собирали аплодисменты в светских салонах. Хотя неравенство полов существовало и тогда, от женщины все еще не требовалось быть «ангелом в доме», и при наличии таланта или же деловой сметки она могла сама зарабатывать себе на жизнь.

Но история мчалась вперед. На смену экономическим проблемам, вызванным войнами с Францией, пришло благосостояние, вольнодумство сменилось набожностью, и забавы отцов вызывали у молодежи смущенную улыбку. В новом столетии потребовалась иная мораль. Постепенно Англия становилась сдержанной, трудолюбивой, сентиментальной, в чем-то ханжеской и нетерпимой, именно такой, какой мы знаем ее по романам Чарльза Диккенса и Шарлотты Бронте – но не по романам Остен.

Свою внутреннюю свободу, свою искренность в сочетании с иронией Джейн Остен почерпнула именно из английского общества конца XVIII века, а утонченность – из начала XIX столетия. Грань веков – то было время сражений не только на поле брани, но и на скользком паркете салонов, время мужественных, властных мужчин и сильных женщин, которые не только стояли за спиной героев, но и сами влияли на судьбу страны. О знаменитых женщинах, сформировавших портрет той эпохи, и пойдет речь в этой книге.

Познакомившись с биографией Остен, вы узнаете поближе и ее современниц. Вы побываете в салоне герцогини Джорджианы Кавендиш – эталона стиля, одной из влиятельнейших дам Англии. Ею восхищались, ей подражали, ее ненавидели. Если герцогиня Джорджиана уже знакома вам по фильму с Кирой Найтли, вас ждет сюрприз: любовный треугольник, который так волновал герцогиню в фильме, на самом деле полностью ее устраивал в жизни.

Две другие особы, с которыми вы сведете тесное знакомство, приходились женами принцу-регенту. Обе. Одновременно. Речь идет о принцессе Каролине, законной жене Георга, и о простолюдинке Марии Фитцгерберт, с которой повеса-принц тоже сочетался браком. Узнав о похождениях Георга, вы навсегда измените свое мнение о Регентстве, да, пожалуй, и о человечестве в целом.

Не отставал от брата и принц Вильгельм, будущий король Вильгельм IV. Его многолетний роман с актрисой Дорой Джордан, подарившей ему десятеро детей, казался вопло-

щением семейственности. Дора считала принца своим мужем... пока на горьком опыте не убедилась, что закон сурово карает подобную наивность.

Как и Дора Джордан, Эмма Гамильтон, чье имя известно каждому, знала триумф и падение. Дочь кузнеца, она взяла от жизни все – не только богатство и титул, но и славу, став любимой женщиной адмирала Нельсона. Увы, ее счастье, казавшееся таким прочным, вдребезги разбилось от одной пули меткого стрелка.

Хотя Джейн Остен по праву считается лучшей писательницей своего времени, у нее были как предтечи, так и конкурентки. Фанни Берни, любимый автор Остен, никогда не сияла на литературном небосклоне. Считается, что ей мешала застенчивость. Тем не менее, на долю скромницы выпало столько приключений, что хватило бы на роман-эпопею – служба при королевском дворе, эмиграция во Францию и одна из самых страшных операций, которая только случается в жизни женщины.

В отличие от робкой Фанни Берни, Мэри Уолстонкрафт рьяно отстаивала свои права, недаром же ее считают первой английской феминисткой. Одна из самых ярких личностей конца XVIII века, Уолстонкрафт была надолго предана забвению: всему виной скандальные подробности ее биографии, возмущавшие англичан. Ее дочь Мэри Шелли унаследовала материнский талант и написала одно из самых страшных произведений мировой литературы – роман «Франкенштейн». Впрочем, судьба самой писательницы оказалась не менее трагичной, чем у порожденного ею чудовища, в чем-то даже схожей со скитаниями души, брошенной Творцом...

Детская писательница Мэри Лэм представляется нам тетушкой-наседкой в чепце и всегда с чашечкой чая наготове. Повстречав ее, вы никогда в жизни не смогли бы заподозрить, что когда-то мисс Лэм зарезала родную мать...

Творчество и безумие тесно переплелись и в биографии леди Каролины Лэм, любовницы лорда Байрона. Когда поэт покинул леди Каролину, ее жизнь неумолимо покатилась по наклонной плоскости. Тем не менее, Каролина Лэм нашла-таки способ покончить с Байроном и со всем высшим светом – с помощью литературы.

О том, что начертанное слово способно рушить жизни, отлично знала куртизанка Харриет Уилсон. Оставшись не у дел и без средств к существованию, в своих мемуарах она прошла по всем своим покровителям, включая герцога Веллингтона, а затем попыталась шантажировать каждого «фигуранта» публикацией и тиражированием скандальной рукописи. Участь Харриет Уилсон прекрасно иллюстрирует теневую сторону эпохи Остен – ту самую, которую вы не найдете на страницах ее романов.

Рассмотренные как единое целое биографии современниц Остен помогут вам лучше понять мир, в котором жила и творила писательница – мир далекий, манящий своей необычностью, удивительный, но вместе с тем так похожий на наш.

Глава I

Джейн Остен

Человек, будь то джентльмен или леди, не получающий удовольствия от хорошего романа, должен быть безнадежно глуп.
Джейн Остен

16 декабря 1775 года в семье священника Джорджа Остена из Стивентона и его жены Кассандры произошло событие из разряда малопримечательных – родился седьмой по счету ребенок, да еще и девочка. Новорожденную нарекли «Джейн», хотя могли бы назвать иначе, ведь в семье в числе прочих встречались имена Филадельфия, Элизабет и, конечно, Мэри. Но музы уберегли английскую литературу от Филадельфии Остен.

Отец радовался, что Дженни унаследовала его карие глаза, счастливая мать подыскивала ей кормилицу, родственники поздравляли Остенов с пополнением семейства (или, напротив, возмущались их плодovitостью: «Джордж рано или поздно поймет, что завести семью проще, чем ее обеспечить», – ворчал зять из Индии). Когда шумиха вокруг появления нового члена семьи стихла, Джейн оставили в покое. Еще один ребенок. Всего лишь девочка. Никто ведь и предположить не мог, что дочь сельского священника однажды затмит своих современников, что имя скромной старой девы зазвучит по всему миру, что эпоха Регентства для потомков будет ассоциироваться вовсе не с принцем Георгом, а с мистером Дарси и Элизабет Беннет – героями Джейн Остен.

Предполагаемый портрет Джейн Остен

* * *

Если бы в 1775 году родители Джейн узнали о ее грядущей славе, они были бы, конечно, поражены, однако вряд ли стали бы обращаться с дочерью лучше. Потому что взаимоотношения в семье Остен и без того были любящими, теплыми, гармоничными.

Отец Джейн происходил из старинной кентской семьи, хотя и не дворянской: его предки были суконщиками, передававшими свое ремесло из поколения в поколение. Но семейная ветвь, к которой принадлежал Джордж, отошла от ткачества. Его отец Уильям работал хирургом в Тонбридже и, увы, не считался джентльменом – на благородство могли

претендовать только доктора, закончившие университет, но никак не костоправы. Из его многочисленных отпрысков выжили двое – сын Джордж и дочь Филадельфия.

Отважная Филадельфия уехала в Индию на поиски мужа. Такой способ обустроить личную жизнь набирал обороты среди англичанок, и Филадельфия была в числе первопроходцев. В Индии она вышла замуж за хирурга Тайсо Хэнкока, прибывшего в колонию, чтобы сколотить капитал. Ее супруг придерживался правила: чем меньше в семье детей, тем проще их обеспечить, поэтому Хэнкоки ограничились одним-единственным ребенком. Их дочь Элизабет, впоследствии Элиза де Фейд, сыграла огромную роль в жизни своих кузенов, включая и Джейн.

Джордж Остен рассчитывал на церковную карьеру, для чего отучился в Оксфорде, где прослыл «пригожим проктором¹». Он и правда был хорош собой – статный, кудрявый, кареглазый. В 1760 году он принял сан священника, а четыре года спустя взял в жены Кассандру Ли.

По своему происхождению Кассандра была выше мужа. Ее предок был лордом-мэром Лондона при королеве Елизавете, а среди родни, хотя и весьма отдаленной, встречались герцоги. Но семья Кассандры не претендовала на титулы: ее отец служил ректором, сестра тоже вышла замуж за ректора Эдварда Купера, и Кассандре ничего не оставалось, как последовать ее примеру.

Учитывая, что Джейн Остен с детства была окружена священнослужителями, неудивительно, что она часто упоминает их на страницах своих романов. Однако священник священнику рознь. Важно помнить, что англиканские священники делились на три основные категории. Ректор претендовал на всю десятину – т. е. десятую часть дохода, которую выплачивали на нужды священника и церкви все прихожане. В некоторых случаях за ректором могло значиться два или даже три прихода, с которых он собирал десятину. Чтобы не разрываться между ними, ректор назначал викария, т. е. своего заместителя, который постоянно проживал в приходе и получал только часть десятины. Наконец, у священника мог быть помощник (*curate*), обычно молодой священник, проходивший стажировку в приходе. Помощник помогал ректору или викарию вести приходские дела и заменял его на службе, если тому требовалось отлучиться. За свои труды помощник получал довольно скромное жалованье.

---

¹ Должностное лицо в Оксфорде, в чьи обязанности входил надзор за студентами.

Священник получает десятину

Назначениями священников, как ректоров, так и vikariev, в большинстве случаев ведал помещик, в чьих владениях располагалась приходская церковь. На ум сразу же приходит спесивая леди Кэтрин де Бург из «Гордости и предубеждения», назначившая ректором проныру мистера Коллинза. Неудивительно, что Коллинз так пресмыкался перед ней, ведь его судьба зависела от благоволения помещицы.

К счастью для мистера Остена, ему не приходилось заискивать. Его благодетелем стал богатый родственник Томас Найт, владелец многочисленных поместий, обладавший правом назначать ректора в том числе в городке Стивендоне, графство Гемпшир. За свою щедрость мистер Найт не требовал раболепия, хотя впоследствии попросил у Джорджа нечто иное – отдать ему одного из сыновей! Еще один состоятельный дядюшка приобрел для Джорджа

ректорство в двух соседних приходах Эш и Дин в расчете, что Джордж займет то место, которое освободится первым. Так что Кассандра Ли выходила замуж за человека обеспеченного.

Мистер Остен не мог ввести жену в высшие круги общества, зато он предлагал ей стабильность и почет. Это было как раз то, что интересовало Кассандру. Матушка Джейн Остен всегда отличалась практичностью: даже замуж вышла не в сшитом по случаю наряде, а в красной шерстяной амазонке, которую носила еще несколько лет, а потом пустила на курточку для сына. В Стивентоне она хлопотала по дому, присматривала за выпечкой хлеба, живо интересовалась коровами – Остены держали целых пять – и смущала детей тем, что чинила белье прямо в гостиной на глазах у всех.

Как и подобает семье духовного лица, Остены исполняли завет «плодитесь и размножайтесь». В 1765 году родился первенец Джеймс, за ним последовали Джордж (1766), Эдвард (1768), Генри (1771), Кассандра (1773), Фрэнсис (1774), Джейн (1775) и Чарльз (1779). Многочисленные роды не подорвали здоровья миссис Остен, и все ее дети благополучно дожили до взрослого возраста – большое достижение по меркам XVIII века, когда детская смертность затрагивала даже королевскую семью.

Но, как говорил мистер Уэстон из «Эммы», в каждой семье есть свои секреты. Остенам тоже было что скрывать. Мистер и миссис Остен были опечалены рождением умственно отсталого сына Джорджа. Его имя крайне редко встречается в переписке Остенов. Однако Джейн упоминала, что может общаться на языке жестов, поэтому есть вероятность, что ее брат был глухонемым. Мальчик с детства воспитывался в деревне, возможно, в той же семье, которая заботилась о младшем брате Кассандры Ли – он тоже родился с задержками в развитии.

Остальные сыновья обеспечивали себя сами. Когда Джейн делала свои первые шаги, ее брат Джеймс уже готовился к поступлению в Оксфорд. Он собирался пойти по отцовским стопам. Кроме того, в священники прочили Генри, любимца Джейн. Но Генри, с его склонностью к авантюрам, находил церковную службу скучной и подумывал об армии. Фрэнку и Чарльзу суждено было служить во флоте.

Все мальчики немного завидовали Эдварду, который неожиданно-негаданно вознесся над братьями. Томас Найт и его бездетная супруга предложили усыновить Эдварда и сделать его наследником своего огромного состояния. А если бы Эдвард скончался бездетным, все их богатство перешло бы к одному из его братьев. Предложение было заманчивым, и миссис Остен, скрепя сердце, отпустила Эдварда жить к Найтам.

Это был мудрый поступок: годы спустя Эдвард обеспечил и овдовевшую мать, и незамужних сестер. Кроме того, в усыновлении не было ничего странного. В наши дни на Западе укоренилась модель нуклеарной семьи, состоящей только из родителей и их детей. Однако в XVIII столетии семьи выглядели совершенно иначе. Дело даже не в многодетности: состав семей был более разнородным. Под одной крышей вместе с родителями и детьми жили бабушки и овдовевшие тетушки, незамужние кузины и племянники-сироты, не говоря уже о воспитанниках всех степеней родства. Поэтому Остены не удивились просьбе Найтов, ведь они тоже брали к себе племянников.

Мистер Остен представляет сына Эдварда мистеру и миссис Найт

Кроме того, вместе с Остенами постоянно проживали ученики, которых мистер Остен обучал за деньги. Одним из них был сын Уоррена Гастингса, генерал-губернатора Бенгалии, водившего дружбу с Филой Хэнкок. Мальчик недолго прожил в Стивентоне и скончался от тифа, но Гастингс сохранил благодарность Остенам. В свою очередь, могущественный губернатор был настоящим героем в семье Остенов, и Джейн была польщена, когда он похвалил «Гордость и предубеждение». Когда в 1788 году Гастингс был предан суду за взяточничество и жестокость, Остены встали на его защиту. К их радости, антикоррупционный процесс века закончился в 1795 году оправданием Гастингса.

* * *

Джейн Остен любила просторный двухэтажный пасторат в Стивентоне, где с утра до вечера звучал задорный смех мальчишек. Она охотно принимала участие в играх братьев, но еще больше ей нравилось проводить время со старшей сестрой. Кассандра восхищалась Джейн, хотя их характеры были несхожи: пылкая насмешница Джейн тщетно училась у Кассандры смирению и рассудительности. Пожалуй, сестер можно сравнить с Элиной и Марianne из «Чувства и чувствительности» или с Джейн и Лиззи из «Гордости и предубеждения». Их темпераменты отлично дополняли друг друга.

Дома девочки делили спальню и маленькую смежную гостиную, где стояло фортепиано Джейн и сохли акварели Кассандры. Если же Кэсси гостила у родни, Джейн засыпала ее письмами, значительная доля которых сохранилась до наших дней.

Джейн во всем подражала Кассандре, и их почтенная матушка уверяла, что, если Кэсси приговорят к отрубанию головы, Дженни немедленно пожелает того же. Когда в 1782 году Кассандру и кузину Джейн Купер отослали в пансион, семилетняя Джейн увязалась вслед за ними. Учеба продлилась всего лишь несколько месяцев: в школе вспыхнула эпидемия «гнилостной лихорадки», т. е. сыпного тифа, и матери забрали девочек домой. Угроза была действительно серьезной – хотя девочки выздоровели, миссис Купер заразилась от дочери и вскоре скончалась.

Вторая попытка отправить девочек в пансион была предпринята в 1785 году. На этот раз Кассандра и Джейн набирались учености в заведении мадам ла Турнелль в Беркшире. За

французским псевдонимом скрывалась англичанка Сара Хаккитт, весьма колоритная особа с деревянной ногой. Ученицы строили догадки, как именно директриса обзавелась странной конечностью, а в оставшееся от этих умствований время изучали французский, чистописание, географию и вышивание. В школе царил ленивая, расслабленная атмосфера: директриса без конца сплетничала о своих любимых актерах, а молоденькие учительницы являлись на утренние занятия в папильотках.

Через полтора года родители вернули девочек в Стивентон. Обучение сестры продолжали уже дома. Отец сам давал им уроки французского и итальянского, а мать учила танцевать, музицировать, вышивать и вести хозяйство: именно эти навыки считались необходимыми для барышень на выданье. Кроме того, в доме имелаась огромная библиотека – более 500 томов, по тем временам, да еще и для провинции, просто невероятное количество книг! Книжные полки никогда не запирались от дочерей. Джейн с детства могла читать что угодно, от «Истории Англии» Голдсмита до произведений Филдинга, Ричардсона и Стерна, а также популярной романистки Фанни Берни.

Женские занятия. Гравюра XVIII века

Стоит отметить, что отношение к романам оставалось подозрительным даже во второй половине XVIII века. Когда-то их так ругали за чрезмерную фантазию, что иные романи-

сты, как Даниэль Дефо в «Молл Флэндерс», утверждали, что описывают реальных людей. Особенно вредными романы считались для девичьих умов. Романы критиковали и справа и слева: об их дурном влиянии писала как христианская моралистка Ханна Мор, так и феминистка Мэри Уолстонкрафт.

Но мистер и миссис Остен не считали нужным ограничивать круг чтения дочерей. Хотя Джейн Остен благодаря своим самым известным произведениям ассоциируется с эпохой Регентства, с его завышенными талиями и утонченными манерами, большая часть ее жизни все-таки пришлась на XVIII столетие. Нравы тогда были грубоватыми, но личная свобода все еще ценилась. Именно из XVIII века берет начало и широкий кругозор Остен, и ее ироничный взгляд на вещи, и ее глубокая, но при этом спокойная и ненавязчивая вера в Бога.

Любимым развлечением в семье Остенов, помимо прогулок и чтения по вечерам, были домашние спектакли. Летом их ставили в амбаре, на Рождество – в гостиной, у натопленного камина. Обычно пьесы предлагал кто-нибудь из братьев, уже посмотрев их в театре, точно так же как Джон Йейтс из романа «Мэнсфилд-парк»: «...любовь к театру столь всеобща, а стремление выступать на сцене у молодых людей столь сильно, что его разговоры явно упали в добрую почву. Начиная с распределения ролей и до самого эпилога, все пленяло, и лишь немногие не желали бы принять в этом участие или не решились бы попробовать себя в какой-нибудь роли». В этих постановках, в основном комедиях, принимали участие все дети мистера и миссис Остен. Любила их и Джейн.

Тут поневоле возникает вопрос – почему же роман «Мэнсфилд-парк» представляет домашний спектакль в таком негативном свете? Фанни Прайс и рассудительный Эдмунд протестуют против этой затеи, и, в конце концов, представление запрещает сэр Томас Бертрам. Почему Остен переменяла свое отношение к спектаклям?

Причина, вероятно, кроется в том, что любительницей домашних спектаклей была ее кузина Элиза.

После смерти мужа тетушка Филя вернулась в Европу вместе с дочерью. По большей части они жили во Франции, но иногда навещали пасторат в Стивентоне. Когда Джейн исполнилось одиннадцать, Элиза вышла замуж за француза, графа де Фейда, но в 1786 году вернулась в Англию вместе с сыном и вновь зачастила в Стивентон. Прелестное, почти кукольное личико Элизы, ее обаяние и живые манеры вскружили голову братьям Остенам. Больше всех ею был очарован Генри, любимый брат Джейн, и она не могла не ревновать. В домашних спектаклях Элизе доставались главные роли, что тоже отравляло Джейн всю радость. Рядом с титулованной родственницей она чувствовала себя простушкой.

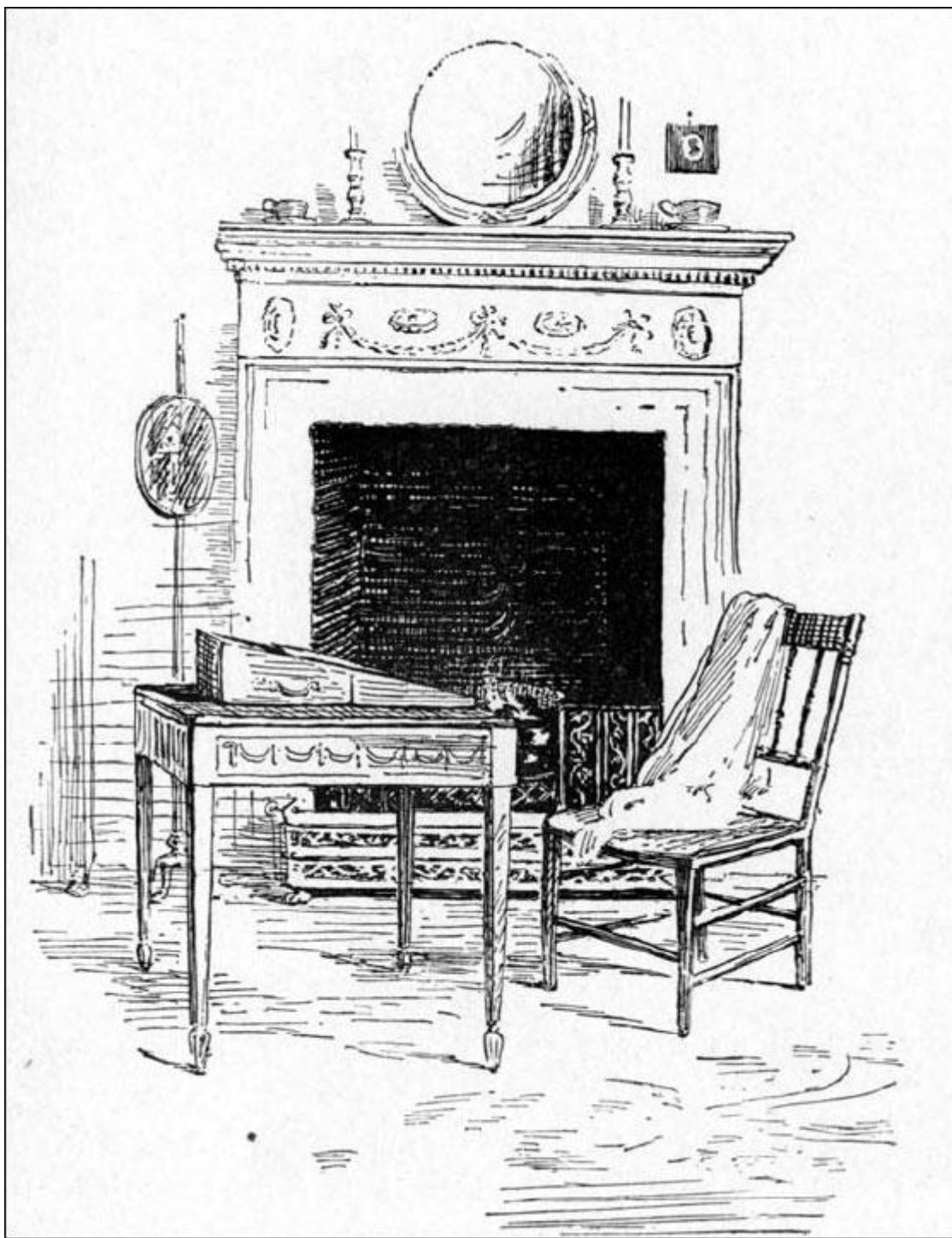
Годы спустя она выместила обиду в «Мэнсфилд-парке»: в образе дерзкой кокетки Мэри Кроуфорд угадываются черты Элизы де Фейд. Разница между романом и реальностью заключалась в том, что, в отличие от Мэри, Элиза де Фейд добилась своего. Она отняла у Джейн сердце ее любимого брата.

В 1794 году Элизу постигло несчастье – во время революции погиб на гильотине ее муж. С того времени вдова проводила все больше времени в Стивентоне, а в 1797 году вышла замуж за Генри. Джейн пыталась помешать их отношениям, даже подыскала Генри другую невесту, но ему нужна была только Элиза. Чтобы угодить ей, он отказался от намерения принять сан. Джейн была ужасно расстроена.

Хотя жизнь была ей не подконтрольна, она могла распоряжаться ею в пространстве романа. Поэтому юный священник Эдмунд Бертрам достался не кокетке Мэри, а скромнице Фанни Прайс. Справедливость восторжествовала. По крайней мере, в глазах Остен.

* * *

Первые пробы пера Джейн Остен сделала в двенадцать лет. Уже в столь юном возрасте она демонстрировала свой «фирменный» иронический взгляд на вещи. Одним из ее первых произведений стала пародия на сентиментальные романы «Любовь и дружба» (правописание никогда ей не давалось). То-то, должно быть, покатывались со смеху братья и сестры, когда Джейн читала им новую сатиру на чувствительных барышень: «Увы, я умираю от горя, ведь я потеряла возлюбленного моего Огастеса! Один роковой обморок стоил мне целой жизни. Остерегайся обмороков, любезная Лора, впадай в бешенство, сколько тебе будет угодно, но не теряй сознания...»

Рабочий стол и пюпитр Остен

Вот еще один типичный юношеский роман в двенадцати главах:

«Прекрасная Кассандра

Глава 1

Кассандра была дочерью, и дочерью единственной прославленной модистки с Бонд-стрит. Отец ее отличался благородством происхождения, ибо приходился близким родственником дворецкому герцогини ***ой.

Глава 2

Когда Кассандра достигла шестнадцатилетия, была она приветлива и мила, и волею случая, влюбившись в элегантный капор, только что законченный ее матушкой для графини ***, надела оный капор на свою благородную голову и ушла из матушкиного магазина на поиски счастья.

Глава 3

Первым повстречался ей виконт ***, юноша знаменитый своей ученостью и добродетелями не менее, нежели изяществом и красотой. Она сделала ему реверанс и пошла дальше.

Глава 4

Затем она пришла в кондитерскую, где проглотила шесть порций мороженого, отказалась за них платить, сбила с ног кондитера и ушла прочь.

Глава 5

Затем она поймала наемную карету и велела отвезти ее в Хэмпстед, но как только карета прибыла туда, повелела кучеру разворачиваться и везти ее назад.

Глава 6

Вернувшись на то же самое место, откуда она отправилась в путь, кучер потребовал плату.

Глава 7

Она обшаривала свои карманы, но каждый раз поиски были бесплодны. Найти денег она не смогла. Кучер же становился все настойчивее. Тогда она нахлобучила свой капор ему на голову и убежала.

Глава 8

Много улиц миновала она, не находя приключений, покуда на углу Блумсбери-сквер не повстречала Марию.

Глава 9

Кассандра вздрогнула, и Мария казалась удивленной. Обе затрепетали, зарделись, побледнели и разошлись в обоюдном молчании.

Глава 10

Затем Кассандру поприветствовала ее приятельница вдова, коя просунула свою головку через узкое окошко и спросила, как та поживает. Кассандра сделала ей реверанс и прошла дальше.

Глава 11

Через четверть мили она оказалась под родительским кровом на Бонд-стрит, где отсутствовала почти 7 часов.

Глава 12

Она вошла, и ее достойная матушка прижала ее к своей груди. Кассандра улыbnулась и прошептала про себя: «Как хорошо прошел день».

Юношеские сочинения Остен составили три тома, обозначенные, соответственно, Том Первый, Том Второй и Том Третий. И если в первом томе содержались юмористические

зарисовки вроде приведенной выше, для третьего тома Остен написала повести «Кэтрин» и «Эвелин». Мистер Остен так гордился достижениями дочери, что на 19-й день рождения подарил ей пюпитр из красного дерева. Наклонная поверхностью пюпитра позволяла писать, не нагибаясь над столом, а во внутреннем ящике можно было хранить листы бумаги. Лучший подарок для писателя!²

В семье Остен литературными талантами блистала не только Джейн. Джеймс Остен писал стихи и прозу, а миссис Остен развлекала детей шутливыми экспромтами. Но именно Джейн твердо решила стать профессиональным писателем. Для этого требовалось недюжинное трудолюбие. Джейн переписывала свои юношеские произведения, исправляла стилистические ошибки, дорабатывала сюжеты.

Но не меньше, чем трудолюбие, ей требовалось мужество. Еще с XVII века, со времен драматурга и романистки Афры Бен, англичанки теснили мужчин на литературном Олимпе. Огромной популярностью пользовались романы Фанни Берни, Энн Рэдклифф, Марии Эджворт. Тем не менее, профессиональная литературная деятельность считалась неподходящим занятием для леди. Ведь настоящие леди не работают за деньги, их обеспечивают родители и мужья. В прологах к романам писательницы извинялись, что вообще взялись за перо, и вызвали к великодушию критиков. Фанни Берни называла свое творчество «писанина». Мария Эджворт пряталась в тени властного отца. Доморощенных писательниц высмеивали все, кто только мог, включая Ханну Мор. Она негодовала: «Что, если леди, которая напрочь лишена таланта, образования и понимания окружающего ее мира, чье обучение ограничивается книгами из платной библиотеки, вдруг почувствовала душевное недомогание? На ум ей приходит написание романа как лучший способ развеять печаль! Или же она оказалась в затруднительных обстоятельствах? Что, как не роман, поправит ее положение! (...) Способности и развитие ума ныне так редко принимаются во внимание, что написание книги кажется самым верным способом заработать, который всегда доступен необразованным лентяйкам».

В таких условиях трудно было назвать свое творчество не «писаниной», а работой, и относиться к нему соответственно. Это смогла бы не каждая писательница. Но Джейн Остен смогла.

В 1793–1794 годы она сочиняла эпистолярный роман «Леди Сюзан» о развратной вдове, которая подыскивает богатых мужей для себя и своей дочери. Роман так и не был доработан. В 1795 году Остен написала еще один эпистолярный роман «Элинора и Марианна», ставший затем основой «Чувства и чувствительности». В 1796 году были начаты «Первые впечатления», черновой вариант «Гордости и предубеждения». Черновиками романов зачитывалась вся семья, и Джейн Остен часто упоминала их в письмах. «Я не удивлена, что ты хочешь вновь прочесть “Первые впечатления”, ведь ты читала их так редко и так давно», – писала она Кассандре в 1799 году. Позже она шутливо отзывалась о подруге, которая снова попросила черновик: «Она очень хитра, но я разгадала ее намерения: она хочет опубликовать его по памяти, и еще одно прочтение позволит ей это сделать!»

В 1797 году мистер Остен предложил издателю «рукопись романа в трех томах по длине сравнимую с “Эвелиной” Берни». Но издателя рукопись не заинтересовала.

Работа над черновиками плавно перетекла из XVIII в XIX столетие. В каждый новый вариант Остен добавляла отсылки к современным событиям, например, упоминание недавно опубликованной книги. Таким образом, ее романы казались более актуальными, даже если были написаны десяток лет назад.

² В настоящее время пюпитр хранится в Британской библиотеке.

* * *

У романов Остен была и другая отличительная черта. Практически все они посвящены поиску мужа. В этом нет ничего странного: для девиц Остен, как и для большинства их современниц, этот вопрос был животрепещущим.

Джейн и Кассандра считались бесприданницами, что существенно снижало их шансы на брак. Ведь брак только заканчивался венчанием и свадебным путешествием, в которое, к слову, было принято захватывать кого-то из родственников. Начинался он с обсуждения приданого и составления брачного договора. Это было слияние не только двух душ, но и финансов двух семей. А мистер Остен ничего не мог дать за дочерями.

Возможно, будь Джейн писаной красавицей, она бы с легкостью нашла мужа. Но она не отличалась красотой. Ее племянница Каролина составила такой портрет тетушки: «Ее лицо было скорее округлым, чем вытянутым, с ярким, но не слишком розовым румянцем, с чистой смугловатой кожей и красивыми карими глазами... Ее каштановые волосы вились от природы и обрамляли лицо короткими завитками».

Предполагаемый портрет Джейн Остен кисти Озайаса Хамфри

До нас дошло два прижизненных портрета Джейн Остен. Один – акварельный набросок ее сестры Кассандры, который был значительно приукрашен для последующих изданий Остен. Другой, изображающий девочку-подростка, якобы был заказан у знаменитого светского живописца Озайаса Хамфри богатым двоюродным дедом Остен, чтобы демонстрировать ее потенциальным женихам. Исследователи до сих пор спорят, изображена ли на этом портрете Джейн или какая-то иная особа. Оба портрета рисуют Джейн не слишком привлекательной барышней: маленькой, пухленькой и невзрачной. Впрочем, Джейн была обаятельна, весела, чудесно танцевала и просто обожала балы.

Смирный нрав тоже пригодился бы Джейн на ярмарке невест. Однако отзывы о ее характере весьма противоречивы. «Джейн вовсе не хороша и ужасно чопорна, не скажешь, что это девочка двенадцати лет... Джейн ломается и жеманничает», – так пишет о своей кузине маленькая Филадельфия Остен. Соседка Остенов, миссис Митфорд, которая знала сестер Остен девочками, писала, что Джейн – «самая очаровательная, глупенькая и кокетливая стрекоза и охотница за женихами», каких ей случалось в жизни видеть. Напротив, Каролина восхищалась тетей Джейн, хотя и не могла отрицать, что та порою подшучивала над соседями. Зато со своими племянниками она была сама доброта. Словом, покорная женушка из мисс Джейн Остен вряд ли бы получилась. «Острый язычок и проницательность, да при этом еще себе на уме – это поистине страшно!» – век спустя писала Вирджиния Вульф.

* * *

Отсутствие приданого не мешало Джейн Остен влюбляться, точно так же как святая обязанность для девушки ее круга найти себе достойного супруга не мешала ей отвергать предложения руки и сердца.

Ее первой и, возможно, единственной любовью стал молодой ирландец Том Лефрой. Почему-то считается, что Лефрой стал прообразом мистера Дарси. Но своими поступками Том напоминает скорее малодушных Бингли или Виллоуби, нежели Дарси.

Джейн близко дружила с теткой Тома, миссис Энн Лефрой, женой викария из Эша. Разница в возрасте между женщинами была велика, но Энн ценила в Джейн остроумную собеседницу и считала ее ровней. Можно даже сказать, что миссис Лефрой была лучшей подругой Остен – за исключением Кассандры, но та была вне конкуренции. И, конечно, миссис Лефрой было приятно, что Джейн и Том заинтересовались друг другом.

Они познакомились в декабре 1795 года. Том приехал к тете с дядей на рождественские каникулы из Лондона, где изучал юриспруденцию. Трудолюбивый и амбициозный, Том рассчитывал на большое будущее в судах Ирландии. Однако занудой мистер Лефрой не был. Напротив, он обожал танцы и флирт с прелестными барышнями. Рождество считалось порой балов, и как раз на балу Том был представлен Джейн. Ему было девятнадцать лет, ей – на год больше.

В письме к Кассандре Джейн писала со свойственной ей иронией, что единственный недостаток Тома – его пристрастие к белым сюртукам. Во всем остальном Джейн считала Тома настоящим совершенством. «Я почти боюсь признаться тебе, – писала она, – как мы вели себя с моим ирландским другом. Представь себе самое распутное и шокирующее поведение: мы танцевали вместе и сидели рядом... Я уверяю тебя: он весьма воспитанный, милый, красивый молодой человек. Но все так смеются над ним из-за меня, что он стыдится своих визитов в Стивентон и попросту сбежал во время моего недавнего визита к миссис Лефрой».

Чтобы шокировать провинциальных кумушек, требовалось немного – всего лишь протанцевать вместе два-три танца подряд. А ведь Джейн и Том не отходили друг от друга! Мысленно миссис Лефрой уже успела их повенчать. Она даже устроила еще один бал, чтобы дать Тому и Джейн шанс познакомиться поближе. Видимо, Джейн разгадала ее намерения. Она признавалась Кассандре: «...Сегодня вечером я ожидаю от моего ирландского друга предложения руки и сердца; я ему, конечно же, откажу, если только он не пообещает расстаться со своим белым сюртуком».

Но Джейн, конечно же, не собиралась ему отказывать. Она действительно была влюблена в «своего ирландского друга». Но, как писала сама же Остен: «Женщины придают слишком большое значение единственному восхищенному взгляду». Она рассчитывала на взаимность и горько ошиблась.

Матери Лефрой не понравилась бы столь же бедная бесприданница, как ее пятеро дочерей: миссис Лефрой надеялась, что обаятельный Том сможет найти себе какую-нибудь богатую наследницу. Того же мнения придерживался и его лондонский дядя Бенджамин, ведавший семейными финансами. Впрочем, Том вряд ли стал бы прекословить дядюшке. Он и сам понимал, что выгодный брак поможет ему выбиться в люди. И когда на родине, в Ирландии, ему подвернулась подходящая барышня с приданым, он начал ухаживать уже за ней.

Вернувшись к тете через два года, Том даже не заехал навестить Джейн. Миссис Лефрой пришлось самой сообщить о его визите. Это был тягостный разговор, достойный романов Остен. Как Энн из «Доводов рассудка», Джейн ждала весточки от Тома, но не решалась спросить о нем напрямую. А миссис Лефрой была так расстроена, что не смела упомянуть изменника. Положение спас мистер Остен, который осторожно расспросил ее о Томе. Лишь тогда она рассказала, что вскоре Том возвращается в Лондон, а оттуда едет в Ирландию – видимо, навсегда.

Миссис Лефрой так и не простила племянника за то, что «он так дурно повел себя с Джейн Остен». Она затаила обиду на всю свою жизнь, которая, впрочем, оборвалась слишком скоро. В 1804 году миссис Лефрой погибла, упав с лошади, и Джейн еще долго оплакивала эту утрату.

Том Лефрой прожил долгую жизнь, пережив Джейн Остен на добрых пятьдесят лет и добившись многого: став, например, лордом верховным судьей Ирландии. Он даже породнился с Джейн Остен, правда, иным способом – ее внучатая племянница вышла замуж за его сына. Уже в старости, когда Лефроя спросили о его недолгом романе со знаменитой писательницей, он ответил, что любил ее «мальчишеской любовью».

Что же оставалось делать Джейн после утраты Тома? Разве что смириться, беря пример со старшей сестры. Кассандра переживала свою трагедию. В 1795 году она была помолвлена с молодым священником Томасом Фаулом. Как и Лефрой, ее Томас был беден, но он искренне полюбил бесприданницу. Знатный покровитель Томаса обещал наделить его приходом, но лишь через несколько лет. До тех же пор Фаулу предстояло служить капелланом в полку лорда. Вместе с полком он отчалил на Карибские острова, но в 1797 году скончался от лихорадки. После его смерти Кассандра уже не помышляла о замужестве.

Внучатая племянница Джейн Остен упоминала об еще одном кавалере тети: «Летом 1801 года отец, мать и дочери путешествовали по Девонширу. (...) они познакомились с молодым священником, приехавшим навестить своего брата, одного из городских докторов. Он и Джейн влюбились, и когда Остены собрались уезжать из города, он попросил разрешения составить им компанию в пути. Разрешение было ему дано, но вместо его появления в назначенный час они получили письмо, извещавшее о его кончине. В воспоминаниях тети Кассандры он представал одним из самых обаятельных людей, которых она когда-либо встречала, достойным даже тети Джейн». Эта история не подтверждена ничем, кроме воспоминаний племянницы, так что ее можно назвать семейной легендой.

Тем не менее, реальные предложения руки и сердца все-таки поступали. В 1798 году Сэмюэл Блэкэлл, еще один знакомый Лефроев, подумывал о том, чтобы поближе познакомиться с мисс Джейн. Однако Остен он совершенно не заинтересовал. Она едко писала сестре: «По всей вероятности, он не приедет в Гэмпшир на Рождество, так что наше равнодушие, скорее всего, станет взаимным, если только его чувства, возникшие из незнания обо мне совершенно ничего, не подпитываются отсутствием встреч».

Предложение. Гравюра из журнала XIX века

Следующего кавалера ей пришлось ждать еще три года. В 1802 году сестры гостили в семействе Бигг в Мэнидауне, неподалеку от Стивентона. Джейн была дружна с Кэтрин и Алетеей Бигг и мило общалась с их братом Харрисом. Долговязый и нескладный заика, Харрис ценил общество мисс Джейн. Ценил настолько, что 2 декабря сделал ей предложение. Наверняка оно стало шоком для Джейн, ведь Харрис был младше ее на 6 лет. В свою очередь, Кассандра была поражена тем, что сестра... с ходу его приняла!

Это была одна из самых коротких помолвок в истории. Вечером 2 декабря Бигги благословили жениха и невесту, а наутро Джейн дала Харрису решительный отказ. Видимо, за ночь она уверилась в преимуществах незамужней жизни. Сестры сразу же покинули Мэнидаун, однако сохранили теплые отношения с Биггами.

Был, наконец, и преподобный Эдвард Бриджес, брат ее невестки. В 1805 году Джейн умилялась: «Невозможно в должной мере воздать похвалу его радушному вниманию: он даже заказал на ужин гренки с сыром исключительно для меня». Джейн любила сыр, но не любила Эдварда. Если он все же сделал ей предложение, то был отвергнут.

С годами Джейн вжилась в роль старой девы и не спешила с ней расставаться. Нельзя сказать, что статус незамужней женщины давал ей какую-то особенную свободу. Вместо мужа она зависела от своего отца, а после его смерти – от братьев, которые решали, где она будет жить. С другой стороны, Джейн могла разъезжать по знакомым, ходить на балы и, разумеется, писать. Положение ее было стабильно, в семье ее любили и безбрачием никогда не попрекали. Кассандра вспоминала, что «братья очень любили Джейн и очень гордились ею. Их привязывали к ней ее талант, ее добродетель и нежное обращение, и в последующие годы каждый льстил себя мыслью, что он видит в своей дочери или племяннице какое-то сходство с дорогой сестрой Джейн, с которой полностью сравниться, конечно, никто никогда не сможет».

Кроме того, она избежала родов, от которых одна за другой гибли жены ее братьев. Своими детьми Остен называла романы.

* * *

Новый век ознаменовал для Остен окончание идиллии в Стивентоне. В ноябре 1800 года отец огорошил дочерей новостями – они уезжают в Бат! Семидесятилетнего мистера Остена тяготили приходские дела, и он решил, что самое время выйти на пенсию. А где еще доживать последние дни, как не в Бате?

Курортный городок Бат с его горячими ключами пользовался популярностью еще среди римских легионеров. Золотой век Бата наступил в 1704 году, когда из Лондона приехал «король денди» Ричард Нэш, назначенный мастером церемоний. При нем в городе появились здания в популярном тогда палладианском стиле и была открыта первая питьевая галерея, где туристы угощались минеральной водой. Более просторная галерея появилась в Бате в 1796 году – именно там прогуливалась со своими друзьями Джейн Остен, а затем и Кэтрин Морланд, героиня романа «Нортенгерское аббатство».

Однако к началу XIX века позолота Бата успела потускнеть. Фешенебельным курортом стал Брайтон на морском побережье, Бат же превратился в любимый город пожилых джентльменов, куда они съезжались лечить подагру. Собственно, поэтому мистер Остен и остановил на Бате выбор. Но его дочерям не хотелось погружаться в атмосферу вечного санатория.

Кроме того, в Бате проживали Джеймс и Джейн Ли-Перро, брат миссис Остен и его жена. Для миссис Остен это было преимуществом, для дочерей – причиной держаться от Бата еще дальше. Тетушка Ли-Перро отличалась феноменальной скупостью. Она приглашала племянниц в гости порознь, чтобы не занимали много места, и водила их по самым дешевым лавкам. Как раз любовь к дешевизне чуть не стала для нее роковой. Незадолго до приезда Остенов миссис Ли-Перро обвинили в краже кружева из одной такой лавки. Как выяснилось в ходе судебных разбирательств, кружево в сверток с купленным товаром подложил приказчик. Видимо, такова была политика заведения – обвинять покупателей огульно, а затем шантажировать их, ведь ворам грозила виселица. Миссис Ли-Перро была оправдана, но отказалась оплачивать расходы свидетелей, дававших показания в ее пользу. Нелегкой будет жизнь рядом с такой скопидомкой.

Мнения незамужних дочерей ничего не решали. Когда Джейн пришла в себя после обморока, вызванного внезапным известием, ей не оставалось ничего иного, как собирать вещи и оплакивать книги – большую часть библиотеки пришлось бы продать. Мистер Остен

передавал пасторат старшему сыну Джеймсу, но Джейн понимала, что Стивентон уже никогда не будет для нее родным домом. Теперь здесь будет хозяйничать жена Джеймса Мэри Ллойд. Ее сестра Марта была близкой подругой Джейн и постоянно проживала вместе с Остенами, но сама Мэри ужасно раздражала Джейн – грубая, крикливая, очень любопытная и, как говорится, «в каждой бочке затычка». Джейн и Кассандра часто возвращались в Стивентон, но отдохнуть как следует у них уже не получалось.

Дом семьи Остен на Сидни-плейс, 4

В Бате Остены сняли дом по адресу Сидни-плейс, 4, напротив садов Сидни. Даже чудесный вид из окна не радовал Джейн. Видимо, после переезда она пребывала в таком подавленном настроении, что почти пять лет ничего не писала. Однако есть вероятность, что она была так занята визитами, балами и прочими развлечениями, что просто не находила времени для работы.

В 1803 году в ее писательской карьере наконец-то произошел прорыв – Джейн удалось пристроить рукопись. Роман «Сюзан» приобрел издатель Кросби, и хотя гонорар был мизерным, всего 10 фунтов, Джейн предвкушала скорую публикацию. Она ждала, ждала и... снова ждала. Шли годы, но издатель не торопился публиковать рукопись – поистине, кошмар для любого писателя.

Махнув рукой на «Сюзан», в 1804 году Остен приступила к работе над новым романом «Уотсоны». Роман получался мрачным: видимо, жизнь в Бате все же навевала печаль. В центре повествования – одноименное семейство, состоявшее из больного отца, который слишком беден, чтобы оставить службу пастора, его сыновей-карьеристов и дочерей-бесприданниц. Младшая сестра Эмма получила воспитание в семье богатых родственников и по возвращении домой оказалась «чужой среди своих». Эмма огорчена тем, что сестры помещались на охоте за мужьями, и автор огорчена вместе с ней. Чем дальше писала Остен, тем печальнее становился роман, и, в конце концов, даже она устала от пессимизма. «Уотсоны» так и не были дописаны.

Работу над романом оборвала смерть отца, который скончался 21 января 1805 года после непродолжительной болезни.

Для Кассандры и Джейн его смерть означала не только страшную потерю, но и неопределенность в их жизни. Отныне они целиком и полностью зависели от поддержки братьев. Те сразу же поспешили на помощь: состоятельный Эдвард, унаследовавший земли Найтов, выделил им 100 фунтов в год, Джеймс, Генри и Фрэнк – еще по 50. Вместе с деньгами их матушки годовой доход трех женщин составил 460 фунтов. Этого хватало на скромную, но безбедную жизнь, вот только на покой можно было не рассчитывать.

Теперь Джейн и Кассандра постоянно разъезжали по домам братьев. Незамужние тетушки были нарасхват – кто, как не они, будут заботиться о племянниках, которых становилось все больше и больше? Джейн Остен, конечно, души не чаяла в племянниках, особенно в Анне, дочери Джеймса, и Фанни, дочери Эдварда. Обе девушки интересовались литературой, отлично могли поддержать беседу и, что немаловажно, любили ходить с тетушкой по магазинам. Но когда же писать? Визиты и переезды почти не оставляли времени на творчество.

Сначала миссис Остен с дочерьми остановилась в Саусгемптоне у Фрэнка, который как раз недавно женился. Наверняка его молодой жене Мэри было непросто ужиться со свекровью, двумя золовками да еще лучшей подругой золовок, которой в будущем предстояло ее заменить (Марта Ллойд была неразлучна с сестрами Остен, а после смерти Мэри вышла замуж за Фрэнка Остена, к тому времени сэра Фрэнсиса). Даже если так, Мэри смирилась и терпела: она ничем не напоминала жадную Фанни Дэшвуд, которая выгнала сестер Дэшвуд в «Чувстве и чувствительности».

Но в 1808 году обстоятельства переменились, и сестрам Остен пришлось спешно уехать из Саусгемптона. Причиной перемен опять стала смерть – умерла Элизабет, жена Эдварда. За 17 лет она родила 11 детей, но не пережила последние роды. Джейн примчалась в Годмершэм, усадьбу Эдварда, чтобы утешить сирот. Она позаботилась об их траурных костюмчиках (мальчики настаивали, чтобы им купили черные панталоны), водила их в церковь, а в свободное время играла с ними в разные игры – и в ребусы, и в карточную игру «спекуляцию», описанную в «Мэнсфилд-парке», и в ее любимую бильбоке.

Однажды, выныривая из глубин депрессии, Эдвард подумал о том, что матери и сестрам хорошо бы иметь свой собственный дом. Он предложил им на выбор несколько коттеджей на своих землях, в том числе и в родном Гемпшире. Сестры остановили выбор на коттедже в Чаутоне, который, как поговаривали, некогда был придорожным трактиром.

Коттедж в Чаутоне

Джейн не могла сдержать восторг. Ей сразу понравился двухэтажный кирпичный домик под черепичной крышей: в двух гостиных и шести спальнях нашлось бы место и для хозяек, и для их племянников. Ей не мешало даже отсутствие своей комнаты: Джейн по-прежнему делила спальню с сестрой, а писала в общей гостиной на первом этаже. Личное пространство ей создавала... скрипучая дверь! Остен настаивала на том, чтобы петли никогда не смазывали, ведь, услышав скрип, она успевала спрятать рукопись от любопытных глаз.

* * *

Именно в Чаутоне были написаны великие романы Джейн Остен.

Вскоре после переезда Остен всерьез взялась за свою писательскую карьеру. Для начала следовало прояснить ситуацию с романом «Сюзан», мертвым грузом лежавшим в издательстве Кросби. Остен послала издателю запрос о дальнейшей судьбе своей рукописи, причем подписала письмо акронимом MAD – миссис Аштон Дэннис. С английского «mad» можно перевести как «в бешенстве». Намек получился недвусмысленным.

Вскоре Остен пришел ответ, в котором издатель любезно сообщал ей, что не собирается в ближайшее время публиковать рукопись, но подаст в суд на любого, кто опубликует ее без его разрешения. Впрочем, автор могла выкупить авторские права за те же 10 фунтов. Такой суммы у Остен пока что не было. Только в 1816 году, когда она опубликовала уже 4 романа, Остен выкупила рукопись и переработала ее в «Нортенгерское аббатство».

Первым опубликованным романом Остен стал «Чувство и чувствительность». К началу XIX века жанр эпистолярного романа успел поднадоесть читателям, и Остен решила осовременить свой юношеский роман «Элинор и Марианна». В 1811 году она закончила рукопись под названием «Чувство и чувствительность» и попросила Генри выступить в роли литературного агента. Генри предложил рукопись лондонскому издателю Томасу Эгертону, но издатель не хотел связываться с начинающим писателем. Все, что он предлагал Остен, –

это публикация за счет автора. Если книга будет хорошо продаваться, автор получит не гонорар, а прибыль от продаж. Если же нет, издатель не понесет убытки. Для публикации за свой счет требовался солидный задаток, но Генри пришел на помощь и уплатил по счетам.

Примечательно, что на тот момент у Остен были готовы к публикации две рукописи – «Чувство и чувствительность» и «Гордость и предубеждение», причем Остен знала, что вторая книга сильнее первой. Менее уверенный в себе писатель, пожалуй, начал бы с публикации лучшей книги. Ведь если она станет бестселлером, продать остальные романы будет гораздо проще. Однако Остен приберегала шедевр на будущее. Она была уверена в хороших продажах «Чувства и чувствительности» и хотела постепенно наращивать свой потенциал. И не ошиблась. Успех пришел к ней в 36 лет.

Фронтиспис «Чувства и чувствительности», 1833 год

Роман «Чувство и чувствительность», опубликованный в ноябре 1811 года, сразу же понравился читателям. Им зачитывались как простые лондонцы, так и знать. Герцог Йоркский даже подарил его принцессе Шарлотте, единственной дочери принца-регента, и та не могла от него оторваться. В Марианне она узнала себя.

Читатели с удовольствием обсуждали главных героинь – рассудительную Элинор и взбалмошную Марианну – и строили догадки о личности писателя. Роман был опубликован анонимно, вместо имени автора значилось «написано леди». Таким образом Остен

соблюдала приличия, ведь настоящие леди избегали товарно-денежных отношений. Шумиха вокруг ее имени тоже была ей ни к чему. Кассандра, Генри и племянница Фанни пообещали не выдавать секрет и сдержали слово. Секретность была строжайшей: посетив вместе с Джейн платную библиотеку, ее племянница Анна взяла с полки «Чувство и чувствительность» и поставила обратно, сказав, что роман с таким названием, должно быть, дрянь.

Джейн Остен радовала популярность «Чувства и чувствительности». В письме сестре она упоминала: «Я не устаю думать о “Ч и Ч”. Не могу забыть о нем, как мать не может забыть о ребенке, сосущем ее грудь». С момента первой публикации она считала себя профессионалом и задумывалась о своем месте в литературном мире: «Читая хороший роман, я уже отчасти боюсь, что он окажется слишком хорошим и что мой сюжет и моих героев кто-то уже опередил».

Первый роман Остен стал не только литературным, но и коммерческим успехом – на продажах она заработала 140 фунтов. Но во второй раз ей уже не хотелось издаваться за свой счет, вернее, за счет Генри. Это было слишком хлопотно. Она предложила Эгертону права на «Гордость и предубеждение» за 150 фунтов. Издатель сбил цену до 110, и Джейн Остен пришлось согласиться.

Роман «Гордость и предубеждение» был опубликован в 1812 году, когда Остен уже работала над «Мэнсфилд-парком». «Гордость и предубеждение: роман в трех томах. От автора “Чувства и чувствительности”» – значилось в заглавии. Джейн Остен по-прежнему сохраняла инкогнито.

В день выхода романа она опробовала его на соседке, сказав, что новую книгу ей прислали из Лондона: «Мисс Бенн отобедала с нами, а вечером мы прочитали ей вслух половину первого тома (...) Бедняжке так понравилось! Это неудивительно, если учесть, какие там главные персонажи, но, как мне кажется, ее больше всего восхитила Элизабет. Должна признаться, что я считаю ее самым очаровательным созданием из всех, что только появлялись в печати, и даже не знаю, как смогу выносить тех людей, которые ее не любят».

Столь черствых людей нашлось немного. Умница Лиззи Беннет сразу же стала одной из любимых героинь английской литературы. Ее высоко оценили драматург Шеридан и Вальтер Скотт, хотя последний был уверен, что Элизабет польстилась скорее на усадьбу Пемберли, чем на мистера Дарси. Впоследствии Роберт Льюис Стивенсон признавался, что стоило Элизабет Беннет открыть рот, как он готов был пасть перед ней на колени. Альфред Теннисон, любимый поэт викторианской Англии, готов был поставить Остен в один ряд с Шекспиром. А Вирджиния Вульф так писала о творчестве Остен: «Должно быть, одна из фей, которые садятся на край колыбели, успела полетать с ней и показать ей мир, едва она появилась на свет. И после этого дитя уже не только знало, как выглядит мир, но и сделало свой выбор, условившись на том, что получит власть над одной областью и не будет покушаться на остальные. То, что выходит из-под ее пера, имеет законченную отточенную форму и соотносено не с пасторским домом, а со всей вселенной».

Отрицательные отзывы на «Гордость и предубеждение» тоже встречались. О романе пренебрежительно отзывалась Шарлотта Бронте: «Я прочла “Гордость и предубеждение” и что я нашла там? Точное воспроизведение обыденных лиц, ухоженные сады с подметенными дорожками и нежными цветами. Но ни одного яркого образа! Ни одного дикого ландшафта. Там нет свежего воздуха, голубых, суровых скал. Мне не хотелось бы жить среди этих дам и в их элегантных, но огражденных от жизни домах».³ Раскритиковал его и Марк Твен: «Каждый раз, когда я читаю “Гордость и предубеждение”, мне хочется выкопать мисс Остен из могилы и стукнуть ей по черепу ее же берцовой костью». Самое примечательное

³ Пер. Е. Ю. Гениевой.

здесь, конечно, «каждый раз» – выходит, что Твен не отложил нелюбимую книгу, но регулярно ее перечитывал! Возможно, она не была такой уже нелюбимой.

Усадьба Лайм-парк, Чешир, ставшая Пемберли в сериале «Гордость и предубеждение», 1995 год

Через некоторое время после выхода романа Остен тоже отнеслась к нему критично. «Это слишком легкая, яркая и искрящаяся книга, ей недостает теней», – писала она. Но ничто не могло поколебать ее любовь к своему детищу. Герои романа не оставляли ее. Так, во время очередного визита в Лондон она посетила выставку картин и нашла там «маленький портрет миссис Бингли, очень на нее похожий. Я пришла на выставку в надежде увидеть ее сестру, но миссис Дарси там не было». Она рассказывала Кассандре о том, как сложилась судьба других персонажей: например, Китти Беннет вышла замуж за священника из Пемберли, а Мэри – за одного из дядюшкиных клерков.

Ко времени выхода «Мэнсфилд-парка» в 1813 году уже все друзья Остен знали, кто эта загадочная «леди». Современным читателям «Мэнсфилд-парк» порою кажется скучноватым, а главная героиня Фанни Прайс отталкивает их своей пресной праведностью. Друзья автора тоже разошлись во мнении. Издатель Эгертон похвалил мораль и заметил, что в романе нет слабых частей (однако вновь предложил Остен опубликоваться за свой счет, что и было сделано). Женам священников понравилось, как в романе изображены духовные лица. Однако Анна возненавидела главную героиню, а ее тезка Фанни посчитала, что в книге слишком слабая любовная линия.

Много вопросов вызывали возможные прототипы героев. Мэри Кроуфорд явно была списана с молодой Элизы де Фейд, которая в последние годы больше напоминала леди Бертрам – проводила почти все время дома в обществе своих мопсов. Но кто был прототипом Уильяма Прайса, брата Фанни? Быть может, Фрэнк или Чарльз? Оба сделали карьеру во флоте, а Чарльз как-то раз подарил сестрам по золотой цепочке с топазовым крестом – почти как Уильям Фанни.

После публикации «Мэнсфилд-парка» покров анонимности до того истончился, что сквозь него к Остен пробивались назойливые поклонники. Самым неприятным из них был принц-регент Георг, о выходках которого вам еще предстоит прочесть на страницах этой книги. Как и многие ее современники, Джейн была возмущена жестоким обращением принца с его женой. Она терпеть не могла распутника Георга и обошлась бы без его августейшего внимания, но принц был очень назойлив.

В 1815 году Генри Остен серьезно заболел. Джейн уехала в Лондон, чтобы позаботиться о любимом брате, который к тому времени уже овдовел. К больному был вызван доктор Мэтью Бейлли, один из личных врачей принца-регента. Во время визита врача Генри проболтался, что его скромная сестра и есть автор известных романов. Доктор Бейлли поспешил рассказать Джейн, как высоко ценит ее Георг. В каждой своей резиденции принц держал все три ее романа и часто их перечитывал. Затем он доложил принцу, что его любимый автор находится в Лондоне, и Георг пригласил Остен посетить библиотеку в особняке Карлтон-хаус.

Если бы принц-регент лично встретил Остен, это была бы одна из самых знаменательных встреч XIX века, ведь оба они стали символами целой эпохи – эпохи Регентства, эпохи Джейн Остен. Но они разминулись. Вместо венценосного хозяина Остен принимал его капеллан и библиотекарь Джеймс Кларк. Он провел гостью по утопавшим в роскоши залам Карлтона, а в ходе экскурсии намекнул, что неплохо было бы посвятить регенту следующую книгу. С расположением принца не шутят, и Остен «почтительнейше посвятила» Георгу роман «Эмма». Специально для принца три тома были переплетены в алую кожу, а на корешках был оттиснут его геральдический знак – три страусиных пера.

Принц был доволен. Еще бы, ведь Георгу прислали роман на несколько дней раньше, чем он поступил в продажу. А капеллан еще долго третировал Остен просьбами написать книгу на заказ – например, посвященную истории герцогства Кобург (дочь регента собиралась замуж за Леопольда Кобургского). Он захваливал «гений и принципы» Остен и пропускал мимо ушей ее отказы. Казалось, она разговаривает с ожившим мистером Коллинзом.

Разумеется, Остен не собиралась писать по роману для каждого члена королевской семьи. Она сказала Кассандре, что не смогла бы написать серьезный исторический роман, даже если бы от этого зависела ее жизнь, а если бы все же взялась за него, то повесилась бы еще до конца первой главы.

«Эмма» увидела свет в декабре 1815 года. На этот раз Джейн решила сменить издателя и отнесла роман Джону Мюррею, публиковавшему стихи Байрона. Новый издатель хотел купить права не только на «Эмму», но также на «Чувство и чувствительность» и «Мэнсфилд-парк». За все три книги он предлагал 450 фунтов. Как говорила про него Остен: «Он, конечно, мошенник, но хотя бы вежливый».

Фронтиспис «Мэнсфилд-парка», 1833 год

Несмотря на заявление Остен, что она создаст героиню, которая не понравится никому, кроме нее, «Эмма» была встречена с энтузиазмом. Властитель дум Вальтер Скотт написал на нее хвалебный отзыв, чем весьма обрадовал Остен – «Мэнсфилд-парк» он проигнорировал. В год публикации «Эммы» вышел и первый перевод Остен на французский язык: сначала французская публика ознакомилась с «Чувством и чувствительностью», затем с «Мэнсфилд-парком» и «Эммой».

Закончив «Эмму» в марте 1815-го, Остен сразу же принялась за «Доводы рассудка». Это был самый необычный роман Остен, ведь главной героиней она сделала не юную барышню, а 27-летнюю старую деву. Остен долго работала над концовкой, где Энн Элиотт и капитан Уэнтуорт объясняются в любви, но в августе 1816 года роман был готов к печати.

Тем временем Остен выкупила из издательского рабства «Сюзан». Она сомневалась, сможет ли превратить эту пародию на готические ужасы в актуальный роман. «Сюзан» была

написана в период повального увлечения книгами Энн Рэндклифф, но с годами популярность злодеев и замков начала спадать. Заинтересуют ли читателей приключения Кэтрин Морланд, которой повсюду мерещится готическое зло? Остен уже не узнала. Роман «Нортенгерское аббатство» вышел уже после ее смерти.

* * *

Летом 1816 года Джейн Остен почувствовала недомогание, списав его на ревматизм. В феврале 1817 года она писала Фанни: «Я почти полностью излечилась от ревматизма, только колено побаливает время от времени, напоминая об ушедшей болезни и заставляя кутаться во фланель». Как раз в это время она работала над романом о городке Сэндитон, но ей не суждено было поставить последнюю точку – вскоре она так ослабела, что не могла даже писать.

Современные исследователи, сопоставив симптомы – хроническая усталость, отсутствие аппетита, потеря веса, приводящая к дистрофии, частые обмороки и, в конце концов, практически полная неподвижность из-за мышечной слабости – предположили, что Остен страдала болезнью Аддисона. Это эндокринное заболевание, в процессе которого надпочечники теряют способность производить достаточное количество гормонов, впервые было описано в 1855 году британским врачом Томасом Аддисоном. Болезнь редкая: распространенность оценивается как 1:100 000 населения, а некоторые специалисты считают, что она встречается еще реже: 40–60 случаев на миллион человек. И надо же одному из этих случаев прийтись на талантливейшую писательницу, по словам одного из ее братьев, «как раз когда она только-только начала верить в свой успех».

В апреле 1817 года Джейн Остен составила завещание. Все, что ей принадлежало, она оставила Кассандре, и 50 фунтов – брату Генри, который недавно обанкротился и решил, наконец, принять сан. Но завещание не означало, что Джейн перестала бороться за жизнь. Вместе с сестрой она поехала в Винчестер, где работал блестящий хирург Лифорд, единственный, кто мог поставить ее на ноги.

От перемены климата ей на время стало лучше: Джейн даже совершала прогулки по городу – правда, в паланкине – и рассчитывала пересест в кресло-коляску, как только погода улучшится. Но в июне вернулись симптомы болезни, а в начале июля доктор Лифорд сообщил семье, что надежды уже нет. Совсем скоро мисс Джейн Остен оставит этот мир. Джеймс и Генри решили, что долг священника сказать ей о грядущей смерти. По их словам, сестра не ужаснулась, но, будучи доброй христианкой, попросила причаститься.

17 июля 1817 года Джейн Остен поняла, что умирает. Она отослала Кассандру в город по какой-то пустяковой просьбе, видимо, рассчитывая умереть в ее отсутствие. Ей не хотелось лишний раз терзать сестру. Но Кассандра вернулась быстро и застала Джейн живой. На вопрос, не хочет ли она чего-нибудь, Джейн отвечала, что хочет только смерти. Кассандра не отходила от нее весь день, и той же ночью, 18 июля 1817 года, Джейн Остен положила голову на колени сестры и навсегда закрыла глаза.

Похоронена писательница в Винчестерском соборе, одном из старейших в Европе. Собор и сам по себе заслуживает внимания, но для поклонников Остен он превратился в святыню. Посетители собора прикасаются к ее могильной плите и поднимают глаза на мемориальный витраж со Святым Августином – его имя сокращают до «Остин».

Винчестерский собор, где похоронена Джейн Остен

* * *

После смерти Джейн Остен началась ее канонизация. Генри Остен написал мемуары о сестре, пронизанные таким благоговением, что они напоминали жития святых. «Будучи настолько безупречной, насколько позволяла ей человеческая природа, она стремилась оправдать, простить и забыть проступки окружающих. (...) Она всегда избегала поспешных, глупых или чрезмерно суровых высказываний», – славословил ее Генри. Тенденцию обелять Остен продолжил ее племянник Джеймс Эдвард Остен-Ли, опубликовавший в 1869

году воспоминания о тетушке. На страницах его книги она предстает женщиной миролюбивой, смиренной и набожной – словом, идеальной викторианкой. Конечно, такая особа не способна на сарказм. Она не может написать о новых знакомых: «Я была с ними настолько вежлива, насколько позволял их дурной запах изо рта». Или: «Я не хочу, чтобы люди были слишком уж приятными, ведь это избавляет меня от необходимости их любить». Но каждое новое поколение читателей переосмысливало Джейн Остен по своему образу и подобию.

В 1894 году английский критик Джордж Сейнтсбери придумал слово «джейнит» (Janeite) для обозначения фанатов Остен, а Редьярд Киплинг написал одноименный рассказ о любви к романам Остен, объединившей солдат во время Первой мировой войны. Действительно, контуженым солдатам в госпиталях советовали читать романы Остен – ничто так не успокаивает, как пленительная атмосфера старой Англии.

На протяжении нескольких веков романы Остен не выходят из печати. Они переведены на все языки мира, их изучают в школах и университетах. И, разумеется, их активно экранизируют. Существуют киноверсии каждого из ее романов и все время снимаются новые, в том числе такие экзотические, как «Гордость и предубеждение» на материале современной Индии... Правда, до сих пор лучшей экранизацией Остен считается пятисерийный фильм, снятый для BBC, с Колином Фареллом в роли мистера Дарси.

Поклонникам творчества Остен несть числа. Одной из крупнейших ассоциаций ее поклонников является Североамериканское общество Джейн Остен (JASNA). На вебсайте этого общества <http://www.jasna.org> вы сможете найти массу полезной информации об Остен, собранной профессорами литературы и просто любителями умных книг. Так что если вам нравится творчество Остен, вы в хорошей компании.

* * *

Теперь, когда вы познакомились с жизнью Джейн Остен, мы предлагаем вам лучше узнать ее современниц, которые тоже сыграли роль в истории Англии конца XVIII – начала XIX века.

Ваше путешествие в захватывающий мир Остен только начинается!

Глава II

Герцогиня Джорджиана и счастливый треугольник

Одной половине человечества всегда непонятно, почему что-то нравится другой.
Джейн Остен

В конце XVIII века, когда во Франции главной законодательницей моды и вкусов была королева Мария-Антуанетта, в Великобритании царила другая женщина... Не королева, но герцогиня: Джорджиана Девонширская. Постоянно окруженная аурой пикантных сплетен, а то и скандалов, Джорджиана прожила свою жизнь так, чтобы скучно не было никому: ни ей самой, ни ее близким, ни сплетникам всех мастей.

Французский дипломат Луи Дютен вспоминал о Джорджиане: «Когда она появлялась, на нее устремлялись все взгляды, когда отсутствовала, разговоры велись только о ней». Она была необыкновенно привлекательной женщиной, но скорее всего причиной, по которой на Джорджиану устремлялись все взгляды и она становилась темой всех разговоров, было ее поведение, шокирующее даже для раскрепощенной георгианской эпохи. Поводом для сплетен становилось все: ее нововведения в области моды, ее активное участие в политической жизни, ее фантастическая расточительность... Но главное, конечно, «брак втроем»: странно-гармоничное сожительство Джорджианы, ее супруга Уильяма Кавендиша и ее лучшей подруги Элизабет Фостер.

Джорджиана Кавендиш, герцогиня Девонширская

Никто из современников не понимал этих отношений. Потомки же не нашли ничего лучше, как отснять кассовый фильм «Герцогиня», где Джорджиана Девонширская представлена жертвой жестокого мужа и чудовищных обстоятельств.

На самом деле кем-кем, а жертвой она никогда не была. Она была очень самостоятельной личностью, она очень крепко держала в руках свою жизнь и умела наслаждаться всеми ее проявлениями, даже атмосферой подлинного скандала.

* * *

Джорджиана, герцогиня Девонширская, урожденная Спенсер, родилась 9 июня 1757 года в семье графа Джона Спенсера.

Мать Джорджианы, леди Спенсер, обожала старшую дочку и не изменила своих чувств ни после рождения наследника – Джорджа, ни после появления на свет младшей дочери – дурнушки Харриэт: «Я так люблю мою милую маленькую Джи, что едва ли полюблю так

кого-то другого». Джорджиана в свою очередь питала к матери более теплую привязанность, чем это было принято для тех времен. Уже семнадцатилетней барышней она писала леди Спенсер: «Вы мой лучший и дражайший друг, мое сердце принадлежит лишь Вам, и Вы вольны делать с ним, что пожелаете».

Своего гневливого отца Джорджиана побаивалась, хотя он больше интересовался алко-голем и коллекцией итальянского искусства, чем своими детьми. Джорджиане очень хоте-лось завоевать его внимание, но этого ей никогда не удавалось. Зато внимания всех осталь-ных членов семьи у нее было с избытком. В свободное время Джорджиана заучивала стишки или пьески, чтобы впечатлить родных за ужином. Особенно она любила изображать геро-инь, которые ждут избавления от какого-нибудь готического злодея – у нее хорошо получа-лось заламывать руки и закатывать глаза. Младшие братья и сестры смотрели на нее, при-открыв рот. Джордж и Харриэт наперегонки бросались выполнять ее поручения. Более того, Джордж, будучи подростком в школе Харроу, не то что не стеснялся переписки с сестрой, но хвастался ее письмами перед одноклассниками. Впрочем, уже много лет спустя леди Спен-сер будет винить себя за то, что позволяла дочери рисоваться перед окружающими – будь она скромнее, скольких скандалов удалось бы избежать!

Семья Спенсер была сказочно богата: недельный доход лорда Спенсера составлял 700 фунтов, тогда как семья из высшей прослойки среднего класса могла жить на 300 фунтов в год. Когда Джорджиане исполнилось семь лет, семья переехала в величественный дво-рец Спенсер-хаус в лондонском Сент-Джеймсе. В Спенсер-хаусе устраивали спектакли и давали балы. Джорджиана с детства общалась с писателями, художниками и политиками. В салоне Спенсеров светская жизнь гармонично сочеталась с политикой: за обедами обсуж-дались парламентские билли, заключались сделки и велись переговоры, интригам не было конца. Спенсеры принадлежали к политической партии вигов, крупных землевладельцев, которые были более либеральны, чем монархисты-тори, но отстаивали, в основном, свои собственные интересы. Пожалуй, их можно сравнить и с современными олигархами.

Родители постарались дать Джорджиане хорошее образование, но превращать ее в «синий чулок» им тоже не хотелось. Девочку обучали танцам, верховой езде, иностранным языкам, игре на арфе. Придворный миниатюрист Джон Гресс приходил в Спенсер-хаус, чтобы давать ей уроки рисования, композитор Томас Линдси – уроки пения. И только точ-ным наукам не уделялось внимания при обучении Джорджианы, поскольку считалось, что они лишь иссушают сердце юных дев. Но зря Джорджиану не обучили в детстве математике: возможно, она смогла бы лучше подсчитывать свои расходы...

Хотя леди Спенсер практически во всем потакала дочери, она все же придирчиво сле-дила за поведением Джорджианы в обществе – за ее осанкой, манерой разговора, строгим следованием этикету.

Когда девочке исполнилось четырнадцать, высший свет счел ее невестой, и к ней начали свататься наперебой, к вящему ужасу леди Спенсер, которая не собиралась выдавать дочь замуж как минимум до восемнадцати лет.

В 1772 году родители захватили Джорджиану в очередную европейскую поездку, и перед юной красавицей пал на колени Париж. Как писал ее соотечественник: «Все вос-хищены леди Джорджианой Спенсер. По моему мнению, она обладает добрым нравом, а ее хорошее образование, смею верить, не позволит всеобщему восхищению вскружить ей голову».

* * *

Летом 1773 года на бельгийском курорте Спа Джорджиана встретила двадцатичеты-рехлетнего Уильяма Кавендиша, пятого герцога Девонширского. Герцоги Девонширские

были одним из самых высокопоставленных семейств в Англии, и с семьей Спенсер их соединяло давнее знакомство, однако Спенсеры стояли ступенькой ниже.

Уильям Кавендиш был человеком умным и образованным, но довольно замкнутым. Как потом вспоминала его дочь, интерес у него вызывали исключительно разговоры о собаках. Тем не менее, герцог высоко котиrowался на рынке великосветских холостяков, ведь он обладал годовым доходом в 60 тысяч фунтов, роскошнейшими усадьбами Чатсуорт в Дербишире и Девоншир-хаус в Лондоне, а также еще пятью имениями в Англии и Ирландии.

Наблюдая, как ее родители любезничают с герцогом, Джорджиана тоже прониклась к нему почтением. Своим сдержанным поведением он напоминал ей отца. Она тут же «домечтала» образ герцога до своего идеала и вообразила, что за холодным фасадом бьется пылкое сердце. Отчасти так и было. Уильям влюбился. Он писал ей страстные письма: «До недавнего времени я и не подозревал, моя дражайшая Джорджиана, как сильно я тебя люблю. Я скучаю по тебе каждый день и каждый час». Правда, это была вся романтика, которую он мог из себя выжать.

Уильям восхищался красотой и живыми манерами Джорджианы, да и ее огромное приданое не оставляло его равнодушным. Наконец, молодость Джорджианы делала ее еще более желанной невестой, ведь юные девицы отличаются таким податливым характером и их так легко перевоспитать на свой вкус! Уильям не догадывался, как заблуждается он в этом вопросе... и попросил руки Джорджианы у ее родителей.

Когда замужество дочери стало вопросом ближайшего времени, леди Спенсер спохватилась и решила как следует взяться за ее нравственное воспитание. Она и раньше заставляла дочь молиться и даже запирала в спальне наедине с Библией, но религиозность стекала с Джорджианы, как с гуся вода, едва ли оставляя глубокий отпечаток. Знакомые замечали, как сильно нервничает леди Спенсер, а сама она писала: «Я льстила себе надеждой, что мне достанет времени исправить ее понимание жизни и, с Божьей помощью, укрепить ее нравственные принципы. Я хотела научить ее, как избегать всех тех ловушек, которые пороки и прихоти расставят на ее жизненном пути. Она дружелюбна, добросердечна и невинна, но вместе с тем ветрена, ленива, склонна к легкомысленным развлечениям».

Джорджиана Кавендиш

На приданое дочери – платья, аксессуары, нижнее белье – Спенсеры потратили 1486 фунтов: в несколько сундуков набили 65 пар обуви, 48 пар чулок, 26 пар перчаток. О свадьбе, состоявшейся 7 июня 1774 года, так много писали в газетах, что лорд Спенсер опасался толпы и уговорил Уильяма перенести венчание в другую церковь. Перемена планов обрадовала Джорджиану – получилось почти тайное венчание!

Перед алтарем Джорджиана появилась в белом с золотом платье и серебряных туфельках, в ее сложной прическе переливался жемчуг. Через несколько дней она вновь надела свадебное платье для представления при дворе. Помимо молодоженов на свадьбе присутство-

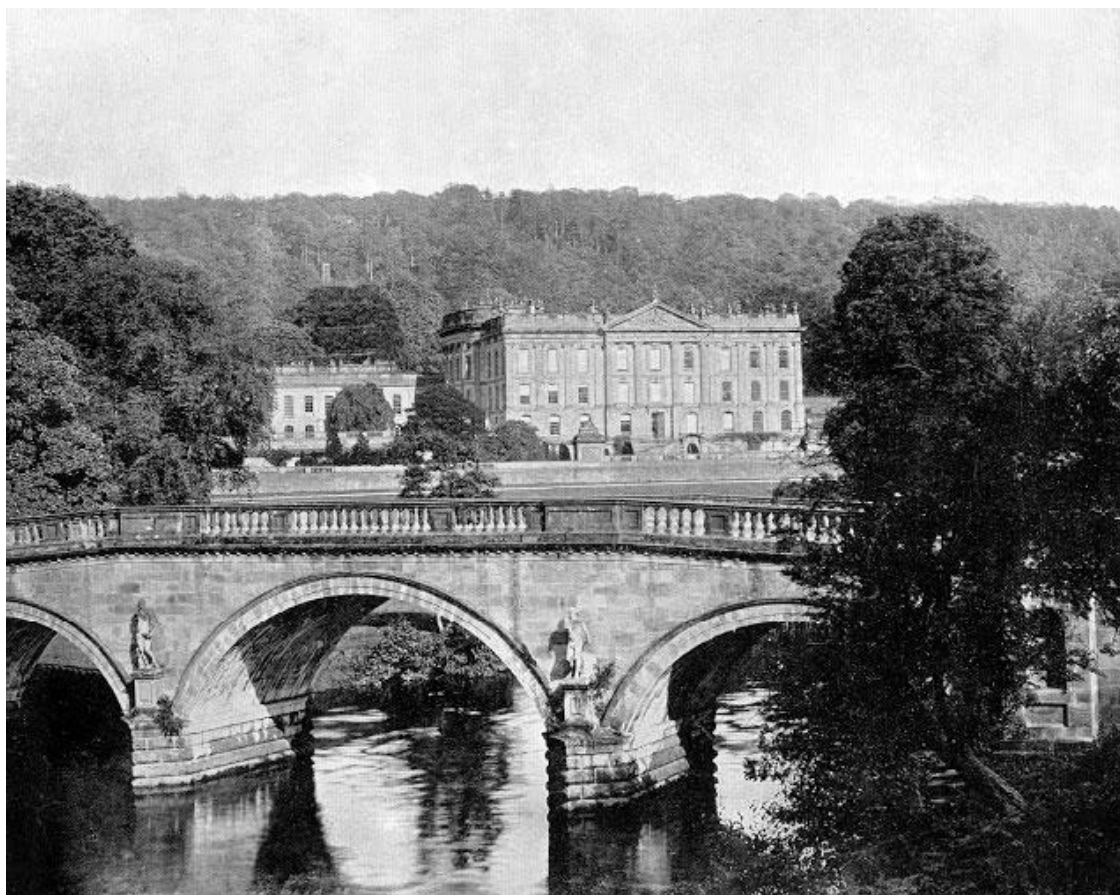
вали – вместо положенной по статусу толпы гостей – всего пять человек: брат герцога лорд Ричард Кавендиш, его сестра Дороти, герцогиня Портлендская, родители Джорджианы и ее бабушка.

Джорджиана сияла от радости. Уильям, как обычно, отмалчивался с непроницаемым выражением лица. Возможно, герцог, будучи истинным англичанином, не выражал свои чувства на публике. Но не менее вероятно, что в тот момент он думал о своей внебрачной дочери, которую совсем недавно родила ему Шарлотта Спенсер, дальняя родня Джорджианы.

* * *

После того как Джорджиана была представлена монарху и нанесла визиты во все великосветские дома Лондона, супруги уехали в Чатсуорт, где им предстояло провести остаток лета. Многочасовое путешествие в карете стало настоящей пыткой для разговорчивой Джорджианы: ее супруг угрюмо молчал, как если бы они прожили вместе уже тридцать лет и успели друг другу опостылеть. Всю дорогу Джорджиана пыталась его разговорить, но фактически болтала сама с собой. Впрочем, великолепным Чатсуортом она осталась довольна, хотя усадьбе недоставало комфорта: при обилии статуй и драгоценных полотен в усадьбе было всего лишь три туалета.

В Чатсуорте Джорджиану навестили родители и разбавили тоску медового месяца, который на поверку оказался не таким уж сладостным. Как новая хозяйка усадьбы, Джорджиана занималась благотворительностью, разносила хлеб беднякам, устраивала школы и сумела подружиться со всеми арендаторами герцога. Не забывала она и про свои светские обязанности. Званные обеды в Чатсуорте длились часами, и хозяйке приходилось трудиться не меньше, чем слугам: она следила, чтобы лакеи не отлынивали от работы и вовремя подавали гостям изысканные яства, чтобы гости не скучали, чтобы ни на миг не прекращалась оживленная беседа.

Усадьба Чатсуорт, Дербишир

В своем салоне Джорджиана расцветала, что пришлось как нельзя кстати для политической карьеры ее мужа. Члены парламента собирали вокруг себя свою клику, и Кавендишу, как и другим политикам, необходима была поддержка членов палаты общин. В свою очередь, их успех зависел от расположения избирателей – мелкопоместных дворян, купцов, зажиточных мастеровых. Даже знатные лорды прикладывали все усилия, чтобы настроить избирателей в свою пользу, и в Чатсуорте ежегодно давали для них приемы. Герцог и герцогиня любезно встречали своих арендаторов, лично здороваясь с каждым и приглашая их к столу. Но если герцогу любезности давались с трудом, его жена умела очаровать не только аристократов, но и простой народ. В Чатсуорт набивались толпы джентльменов разной степени респектабельности и устраивали веселое провинциальное пиршество. Джорджиана с удовольствием принимала участие в избирательных кампаниях, помогая как Уильяму, так и своему брату Джорджу.

Политика отвлекала Джорджиану от довольно унылой семейной жизни. Все ее иллюзии скоро развеялись. Герцог отвечал на ее пылкие признания холодностью: радости плоти он привык получать от любовниц, общение – от друзей, а жена была нужна для поддержания семейных ценностей и, в особенности, для деторождения.

Джорджиана вздохнула с облегчением, когда настала пора возвращаться в Лондон, где ее скуку могли скрасить друзья. Лондонцы тоже успели соскучиться по очаровательной герцогине и считали дни до ее возвращения.

«Она так прекрасна, так мила, так проста в обращении, что я просто влюблена в нее, – восторгалась художница Мэри Делани. – Я надеюсь, что она просветит и смягчит сердца своих современников!» Даже старый циник Гораций Уолпол поддался ее шарму: «Герцогиня

Девонширская затмевает всех. Она достигла успеха, даже не будучи красавицей, но ее молодость, изящная фигура, мягкая доброжелательность... делают ее настоящим феноменом».

В Лондоне равнодушие герцога не так бросалось в глаза: для светских супругов считалось дурным тоном проводить слишком много времени в компании друг друга. Уильям до 5 утра засиживался в своем клубе «Брукс», где заказывал одно и то же блюдо – жареную баранью лопатку – и с непроницаемым выражением лица играл в карты. Джорджиана развлекалась в одиночестве, посещала приемы, совершала променады в парке, ходила в оперу – все, что угодно, лишь бы не просиживать в одиночестве в Девоншир-хаусе.

Леди Спенсер приходила в ужас, выслушивая сплетни о похождениях своей дочери, которая просаживала в карты огромные суммы и время от времени выпивала лишнего, после чего устраивала совсем детские проказы (как-то раз она вытащила перо из прически одной чопорной матроны). «Кажется, теперь я получше узнала свой характер, и он меня тревожит, – каялась Джорджиана в письме к матери. – Боюсь, что стоит мне серьезно задуматься о своем поведении, как меня охватит ужас». Поэтому она старалась поменьше думать о своем поведении. А дурной пример оказался заразителен: леди Спенсер пустилась во все тяжкие вместе с дочерью! Сначала она зачастила на ее вечеринки под тем предлогом, что оберегает юную Джорджиану от влияния неподобающей компании, но как скрыть азарт игрока? Гостиную в Девоншир-хаусе Джорджиана переоборудовала под казино, наняла крупные и приглашала сливки общества сыграть в «фараона». Леди Спенсер не отставала от других игроков и, проигравшись в пух и прах, срывала кольца и бросала на стол. А потом в письмах умоляла дочь следовать ее словам, а не примеру: «На твоём гибельном пути ты собрала немало чепухи, сорняки вместо цветов. Постоянно бывая на людях, ты не успеваешь заботиться о своей душе».

Экстравагантный образ жизни герцогини, ее траты и долги раздражали англичан среднего класса. В 1777 году журналисты «Морнинг Пост» взывали к ней: «О вы, прекраснейшая из женщин во владениях Его Величества, обладательница наилучшего нрава, достигните же, наконец, благоразумия и мудрости! В таком случае, ваша власть станет безграничной, и вы будете сожалеть лишь об одном – что не осталось уже тех миров, которые вы еще не покорили». На Джорджиану, как и на других заядлых картежниц, рисовали карикатуры, но даже самые едкие насмешки не могли ее образумить.

Джорджиана прославилась как законодательница мод. Каждое ее появление в свете бурно обсуждалось: ее сложные платья и прически и тот особенный оттенок коричневого, который так шел Джорджиане, что его начали называть «девонширский коричневый». А еще – невероятная роскошь, которую она себе позволяла: даже подвязки и чулки герцогини Девонширской были украшены вышивкой с мелкими жемчужинами! Одним из нововведений Джорджианы была прическа, украшенная огромным страусовым пером, которое плавно покачивалось при ходьбе. Светские модницы так рьяно начали подражать герцогине, что метровые страусовые перья стали объектом насмешек, а королева даже запретила их ношение при дворе. Уильям относился к модным экспериментам жены с обычным равнодушием. Он говорил, что жена вольна носить все, что захочет, лишь бы ему не пришлось нацепить перья, чтобы соответствовать ее стилю.

А сколько пищи для пересудов давали ее собственные политические амбиции! Ведь для женщины это считалось уж совсем неприличным, даже хуже, чем череда любовников. Джорджиана спорила о политике, яростно отстаивала свои взгляды, присутствовала на встречах вигов и обещала поцеловать каждого, кто проголосует за их лидера Чарльза Фокса.

Тучный весельчак Фокс увлекался не только политикой, но и вином, картами и женщинами, и очень весело проводил время в компании Джорджианы. «Работу» в команде Фокса Джорджиана начала 3 апреля 1780 года, когда Фокс попросил ее составить ему компанию на торжественной встрече с электоратом. Джорджиана надела платье в темно-синих и светло-

коричневых тонах – любимой расцветке вигов – и прелестную шляпку, которую снимала каждый раз, когда толпа отзывалась на слова Фокса криками «ура!». Выступление Фокса и его группы поддержки явилось триумфом для либеральной партии. А лондонские портные, дабы не упустить возможность, начали продавать веера с портретами герцогини – отличная реклама для партии, их раскупали с восторгом!

Чарльз Фокс

Иногда на пирушках, которые устраивали Джорджиана и Фокс, появлялся принц Уэльский, будущий принц-регент, а затем король Георг IV. Его отец потом страстно ненавидел Фокса, считая, что тот споил его сына и привил ему любовь к порокам... На самом же деле, выпивать и гоняться за юбками принц начал еще до встречи с Фоксом. Так или иначе, время, проведенное в компании этих веселых джентльменов, изрядно подмочило репутацию Джорджианы. Как и остальные мужчины ее круга, принц был влюблен в герцогиню, но она не ответила ему взаимностью и до конца жизни называла его «милым братцем». Ее недоступность еще больше распаляла чувства принца, который, по слухам, заводил интрижки с женами всех политиков-вигов, включая сестру Джорджианы – Харриэт.

* * *

Герцогиня Девонширская раздает поцелуи избирателям

Джорджиана от души веселилась в свете, но все же наличествовала одна проблема, которая угнетала ее и приводила в отчаяние ее супруга: неспособность родить наследника. Уильям нетерпеливо ждал сына. Однако у Джорджианы в первые годы брака один за другим следовали выкидыши. Уильям считал, что это – наказание Божье за беспутство его жены. Но как-либо повлиять на нее он не мог. Для этого требовалось, как минимум, поговорить

с женой, а в разговорах он был не силен. Ему не оставалось ничего иного, как вздыхать и бросать на нее угрюмые взгляды.

Впрочем, Джорджиана хотела ребенка и тоже переживала из-за его отсутствия. Получая взволнованные письма, леди Спенсер пыталась успокоить дочь: «Будь ты моего возраста, у тебя была бы причина беспокоиться, что ты уже не сможешь рожать детей, а пока что не прекращай стараний». И Джорджиана старалась... Но едва ли близость с вечно раздраженным мужем приносила юной женщине радость. Пока Уильям охотился дни напролет, Джорджиана дожидалась его в одной из усадеб. С горя она начала принимать опиум.

Один ребенок в Девоншир-хаусе все же был – маленькая Шарлотта, незаконнорожденная дочь Уильяма, которая переехала к нему после смерти своей матери. Джорджиана с удовольствием играла с маленькой падчерицей, пусть и незаконной, и настояла, чтобы девочке дали фамилию Уильямс, что означало «ребенок Уильяма» и практически признание Шарлотты. Однако чужой ребенок не мог утолить в Джорджиане жажду материнства. И уж давно – наличие незаконной дочери не могло удовлетворить амбиции Уильяма.

Взаимоотношения супругов ухудшались. Оба они чувствовали себя одинокими и несчастными. Джорджиану постоянно терзала нотациями мать. Уильям молчаливо оплакивал свою постоянную любовницу Шарлотту Спенсер, мать малышки Шарлотты. Джорджиана, в свою очередь, побаивалась его суровости и не умела его утешить... И непонятно, как дальше развивались бы их отношения и к чему бы они пришли, если бы в жизни герцогской четы не появилась Бесс Гэрвей-Фостер.

* * *

Историк Эдвард Гиббон, знавший Бесс с детства, говорил, что «если бы она решила поманить к себе лорда-канцлера, он вскочил бы с мешка с шерстью на глазах у честного народа и пал перед ней на колени». Другая знакомая, леди Мэри Уортли Монтагю, усмехалась: «Бог сотворил мужчин, женщин и Гэрвеев», – уж очень проницательной и эксцентричной прослыла эта семейка.

Отец Бесс впоследствии унаследовал титул четвертого графа Бристольского, но начал карьеру в церкви и дослужился до епископа Дерри. Несмотря на свой сан, он был мотом, и Бесс успела хлебнуть бедности и лишений. К тому моменту, когда на отца неожиданно-негаданно свалилось состояние, он уже успел – как утверждала Бесс, насильно – выдать ее за Джона Фостера, члена ирландского парламента. Муж обращался с Бесс жестоко, изменял ей, в том числе и с горничными, а в 1780 году потребовал разъезда, забрав себе обоих детей и отказавшись поддерживать жену материально. Современникам такая ситуация казалась подозрительной: муж был вправе разлучать жену с детьми, однако в случае разъезда все равно должен был платить по ее счетам. Возможно, Бесс тоже согрешила на стороне, и Фостер мог в любой момент ее ослабить. Ей пришлось принять его условия и укрыться в Бате, где она и познакомилась с Джорджианой и Уильямом – те приехали на воды.

Бесс сразу же поняла, что происходит в семье Кавендиш, и решила помочь им обоим. Леди Спенсер была разгневана появлением такой соперницы, но Бесс утвердила свои права в доме Кавендишей и стала неотъемлемой частью их семьи. Даже в письмах она стала заменять «я» на «мы», «мы с Джорджианой». Это действительно была необычная дружба, похожая на детскую, столько радости она приносила всем троим. Они даже выдумали друг другу шуточные прозвища: Уильям стал называться «Канис» из-за его любви к собакам, Бесс – Рэки (Енот), Джорджиана – миссис Рэт (Миссис Крыса).

Зимой Бесс разболелась и начала кашлять. Супруги Кавендиш испугались, как бы хворь не отняла у них любимую подругу. Решено было отправить Бесс в Европу в качестве гувернантки Шарлотты Уильямс. Джорджиана была несказанно опечалена ее отъездом. Но

даже она не понимала, насколько Уильям огорчен невозможностью каждый день видеть спокойную, уравновешенную, милую Бесс, приносящую в их жизнь ощущение настоящего домашнего уюта.

Бесс Фостер

Пока Бесс поправляла здоровье, герцог Кавендиш дал понять мистеру Фостеру, что отныне Бесс не одна, у нее есть влиятельные друзья, которые о ней позаботятся. Возможно, он даже пригрозил Фостеру или подкупил его, но результатом деятельности Уильяма стало то, что Бесс получила возможность видаться с сыновьями.

Тем временем Джорджиана засыпала Бесс письмами, упрашивая ее поскорее вернуться, однако давала ей понять, что отношения с герцогом у нее могут быть только платоническими. «Твой любезный брат» – так называла Джорджиана Уильяма в этих письмах, видимо, рассчитывая, что Бесс останется в первую очередь ее подругой, а не второй женой герцога.

«Я обещала тебе, моя милая, драгоценная подруга, что напишу свои планы о твоей дальнейшей жизни: вот они, но помни, что одного твоего пожелания достаточно, чтобы я

тут же все переменяла, если, конечно, это пожелание не повредит твоему здоровью и не лишит меня счастья видеть тебя... Ты вернешься в Девоншир-хаус, но если твоя гордость или обстоятельства не позволят тебе жить рядом с твоими братом и сестрой, я подыщу тебе домик неподалеку, но на том условии, что ты будешь проводить в нем меньше времени, чем у нас. Летом мы будем выезжать в Чатсуорт, осенью охотиться с Канисом, зиму проводить в Лондоне. Ты заберешь к себе детей, или, по крайней мере, Августа. Ты помиришься со всей своей семьей и всеми кузенами, но при этом будешь независима от них, и только твоему брату и сестре – Канису и Джорджиане – ты позволишь себе помогать. Не сомневаюсь, что здоровье и настроение бедного Каниса зависит от твоей живительной дружбы. Вот только что он попросил меня – напиши Бесс, скажи, что я редко получаю от нее весточки, когда же она приедет? А почему бы ей не приехать? Зимой она может вернуться, летом же погода в Чатсуорте подействует на нее благотворно».

Возвращение Бесс подействовало благотворно на саму Джорджиану: герцогине удалось доносить беременность. Многие считали, что именно забота опытной и уравновешенной Бесс не позволила Джорджиане надеть каких-нибудь глупостей, которые привели бы к очередному выкидышу. А еще ходили слухи, будто первые роды герцогини Девонширской начались за карточным столом, и азартная Джорджиана терпела, сколько могла, лишь бы не прерывать игру. Увы, она родила не желанного наследника, а девочку. Уильям был разочарован. Но Джорджиана была на седьмом небе от счастья. Девочку она называла Крошка Джи.

Джорджиана со старшей дочерью. Портрет Джошуа Рейнолдса

Вопреки аристократической традиции, Джорджиана отказалась нанимать кормилицу и решила сама вскармливать долгожданное дитя. В уходе за девочкой ей помогали няньки, хотя, как и многие наши современницы, она была недовольна работой персонала. В XVIII веке существовала должность «качалки» (rocker) – младшей няньки, в чьи обязанности вхо-

дило качание колыбели. Джорджиана жаловалась на нее своей матушке в письме от сентября 1783 года: «По ночам холодно вставать, поэтому после кормления моя малютка спит со мной в постели, и от «качалки» требуется менять ей пеленку и укачивать ее, пока не уснет. Но вчера от «качалки» так разило вином, что она провоняла всю кровать... А утром я узнала, что она так напилась, что рухнула на пол, и ее стошнило... Я дала ей 10 гиней и предложила оплатить ей дорогу до города». Леди Спенсер отругала дочь за бездумную щедрость.

Вслед за Джи на свет появилось еще двое дочерей. А вот мальчики по-прежнему не рождались.

Стоит учесть, что желание Уильяма непременно заполучить сына было не столь уж эгоистичным. Его отец умер в возрасте сорока четырех лет, сам Уильям, несмотря на молодость и подвижный образ жизни, уже страдал от подагры и опасался, что умрет рано и тогда все состояние по закону отойдет его младшему брату. В этом случае и Джорджиана, и маленькая Шарлотта лишатся привычного образа жизни. И когда Бесс, в которую угрюмый Уильям давно был влюблен, стала его любовницей и забеременела, список людей, которых он боялся оставить без поддержки в случае своей смерти, пополнился еще на два пункта...

* * *

Положение Бесс было непростым. Фактически она находилась в западне. Даже если бы она получила от мужа развод, добиться которого можно было исключительно в случае ее измены, никто не женился бы на женщине с такой репутацией. Кавендиши обеспечивали ее деньгами, помогали ей наладить отношения с родней, ввели ее в аристократические круги. Их дружба позволяла Бесс позлить и мужа, и отца, которые отказывались ее содержать. Кроме того, мрачноватый, молчаливый Уильям был заботливым и нежным любовником. Он уделял Бесс больше внимания, чем жене, и при этом требовал от нее меньше: она могла беспрепятственно флиртовать с другими мужчинами. Правда, ей это не доставляло такого удовольствия, как Джорджиане. Скорее всего, Бесс действительно любила Уильяма. Но и Джорджиану она тоже искренне любила. Как подругу, как сестру. Она создавала буферную зону между супругами, удерживая их от конфликтов и скрашивая их одиночество. И при этом постоянно мягко подталкивала их друг к другу, понимая, что им необходим законный наследник.

Результатом такой специфической семейной жизни Уильяма Кавендиша стало то, что обе его женщины забеременели почти одновременно. В 1785 году беременная Бесс уехала в Италию, где родила своего первого ребенка от Уильяма, девочку Каролину Розалию Аделаиду, которую в семье называли Каро. Знакомый ее брата записал девочку на себя, но фамилию малышка получила Сент-Жюль. Почти в то же самое время Джорджиана, на последнем месяце беременности, готовилась рожать в Лондоне. Уильям писал Бесс, что, судя по огромному животу Джорджианы, у них родится двойня и в шутку обещал подарить Бесс одного из близнецов. Но вместо двойняшек родилась очередная девочка, названная Харриэт. Очередное разочарование для Уильяма... Бесс он писал: «Мне ужасно тебя не хватает, миссис Бесс, и каждая вещь в доме ежеминутно напоминает мне о твоём отсутствии, как, например, этот диван в гостиной, на котором ты восседала среди толпы поклонников».

Первой порадовала Уильяма сыном все-таки Бесс. В 1788 году в Руане, куда ее предусмотрительно отправили Кавендиши, она родила мальчика, которого называли Август. Бастард, конечно, не то же самое, что наследник, но, по крайней мере, Уильям получил доказательство, что вообще может зачать сына. Теперь он посматривал на Джорджиану еще более требовательно, конфликты между ними участились.

Вернувшись из Франции, Бесс с трудом смогла примирить супругов. Она всерьез поговорила с обоими и убедила их, что надо сделать еще одну попытку обзавестись наследни-

ком. В июне 1789 года Бесс и Уильям объединили силы, чтобы помочь ей выносить ребенка: вдруг это будет желанный мальчик? Для начала нужно было исключить все факторы, которые в последнее время нервировали Джорджиану: и политические кампании, и в особенности назойливость кредиторов, ведь герцогиня накопила чудовищные долги. Уильям Кавендиш и обе его жены решили укрыться на Континенте. Дочери Уильяма Шарлотта и Каро воспитывались во Франции, и ему хотелось с ними увидеться.

Европейский вояж Кавендишей, продлившийся 14 месяцев и совпавший с революцией во Франции, породил немало слухов. Поговаривали, что на самом деле наследника родила не Джорджиана, а Бесс, но щедро отдала его подруге. На самом деле Уильяма Кавендиша-младшего родила Джорджиана, однако похождения семейства в революционной Франции все равно напоминают авантюрный роман.

Удивительно, что Джорджиана не почувствовала революционные настроения. Она подружилась с Марией-Антуанеттой и не побоялась задержаться в Париже, откуда 12 июля 1789 года Кавендиши и Бесс уехали в Брюссель, оставив Шарлотту и Каро у воспитателей. Уже в Брюсселе до них донесли страшные вести: Париж охвачен революционным пламенем, чернь крушит мосты и возводит баррикады, дворцы и монастыри разграблены... Обычно такой сдержанный, Уильям разрыдался на глазах у обеих жен и бросился седлать коня, чтобы скакать в Париж. Он собирался самостоятельно вызволить обеих дочерей. Бесс его удержала. Она отправила за девочками надежную женщину, которая и привезла Шарлотту и Каро в Бельгию.

В Брюсселе английские аристократы Кавендиши вызывали подозрение, тем более что они отсылали на родину отчеты о текущей политической ситуации. Их приняли за шпионов и в мае 1790 года откровенно предупредили, что их присутствие в Бельгии стало нежелательным. И тогда семейство Кавендиш с Бесс и девочками совершили безумнейший из своих поступков: они вернулись в Париж! К тому времени страсти поулеглись, хотя положение аристократов по-прежнему оставалось шатким.

Джорджиана донашивала дитя, Бесс, наоборот, затягивалась в рюмочку, чтобы избежать сплетен о подлоге, которые, тем не менее, все равно поползли. А когда наследник все же родился, повитуха Энн Скейф записала в своем дневнике: «Свет не видывал более долгожданное дитя».

* * *

Рождение сына примирило супругов. Казалось, жизнь, наконец, наладилась. И тут на горизонте появился Чарльз Грей, молодой политик от партии вигов.

Ему было всего двадцать три года, он был сыном генерала из влиятельной нортумберлендской семьи. Впервые он был представлен Кавендишам еще до их отъезда во Францию. Несмотря на разницу в возрасте – Джорджиана была старше его на семь лет – Чарльз начал добиваться внимания герцогини с пылкостью, которая ее смутила. Она жаловалась Бесс, что не имеет обыкновения заигрывать с юнцами, но к 1788 году Чарльз сумел ее заинтересовать. Когда Джорджиана вернулась в Лондон, Чарльз Грей возобновил ухаживания, а соскучившаяся по интрижкам герцогиня наконец снизошла до молодого поклонника. Они стали любовниками.

Джорджиана, как всегда безразличная к мнению общества, появлялась в обществе Чарльза на публике, а во время отсутствия герцога Грей навещал ее дома. Об их связи, равно как и о последовавшей беременности, знали мать и сестра Джорджианы и, конечно же, верная Бесс. Они изо всех сил старались скрыть правду от Уильяма. Но один из его друзей донес герцогу, что у Джорджианы роман и она ведет себя совершенно бесстыдно.

Кавендиш вернулся, чтобы разобраться в ситуации, и обнаружил, что жена беременна – и не от него.

Во время их встречи в Бате произошла ужасная сцена: герцог кричал, хотя прежде никогда не повышал голос, сорвал со стены портрет Джорджианы и швырнул в камин. Его вопли слышали дети и прислуга, и все затаились в ужасе: никто не ожидал подобных сцен от флегматичного герцога. Кавендиша вполне устраивал любовный треугольник с Бесс, но он не собирался превращать его в квадрат! Измена мужа – одно дело, а жены – совсем другое, тем более что теперь Джорджиана носила ребенка от другого мужчины.

В конце концов, Уильям вынес вердикт: Джорджиана должна срочно уехать из Бата в Саусгемптон, даже не попрощавшись с детьми, а оттуда на Континент, где втайне родит бастарда. Уильям не допускал даже мысли о том, чтобы незаконнорожденный ребенок Джорджианы рос в его доме – рядом с его законными и незаконными детьми. Герцог Девонширский опасался, что родится мальчик. И что при несчастливом стечении обстоятельств – если его родной сын умрет – может случиться так, что наследовать древнейшему роду Кавендишей будет ребенок Чарльза Грея. Этого Уильям Кавендиш не мог допустить.

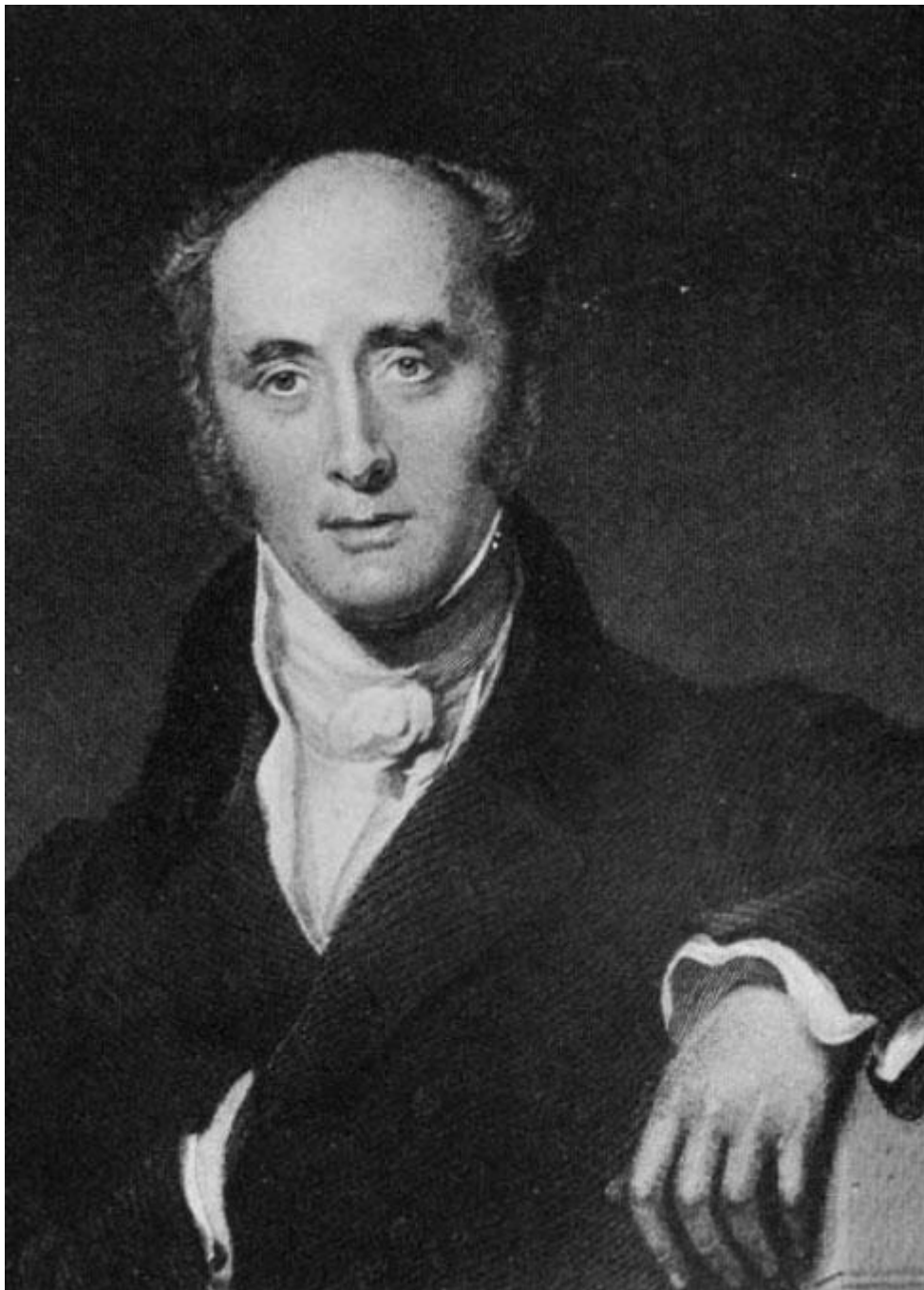
В изгнание с герцогиней отправилась ее мать, сестра Харриэт вместе с дочерью Каролиной и... Бесс Фостер! В данной ситуации Бесс полностью поддерживала Джорджиану: она даже заявила Уильяму, что не намерена больше рожать от него бастардов, и назвала его «зверем и негодяем».

Во Франции, в старинном городке Монпелье, Джорджиана родила дочку от Чарльза Грея. Ее назвали Элизой Кортни. Но хотя она была всего лишь девочкой и не могла стать наследницей, оставить ее в семье герцог Девонширский все же не пожелал. Элиза Кортни росла у своего родного отца. Вернее, у дедушки с бабушкой по отцовской линии, которых считала родителями, а Чарльза Грея – своим братом. Джорджиана регулярно ее посещала и даже познакомила с ней других дочерей.

Если Джорджиана все же убивалась по оставленным дома детям, путешествие по Европе развеяло ее печаль. Она часто писала домой, описывая живописные виды Италии, и дети с нетерпением ждали новых рассказов. Уильям тоже получал весточки – правда, не от жены, а от ее кредиторов. В Италии Джорджиана вновь наделала долгов, а платить по счетам должен был герцог. Он уже не рад был, что отправил жену в изгнание. Суровое наказание больно било его по карману.

В сентябре 1793 года Джорджиана и Бесс вернулись в Англию. Они обе по-прежнему не желали иметь ничего общего с Уильямом и несколько месяцев гостили в доме Харриэт, ставшей леди Бессборо. Однако со временем страсти поутихли, дамы помирились с Уильямом и опять зажили сообща, такой же странной семьей, устраивая приемы, выдавая замуж дочерей и продолжая накапливать долги.

Чарльз Грей попытался возобновить свои отношения с Джорджианой, но она проявила осторожность – или просто разлюбила его? Отказав любовнику, герцогиня изрядно польстила мужу, который понемногу успокоился и простил ее поступок, хотя так и не принял ее дочь. В 1794 году Чарльз Грей женился на Мэри Понсонби, которая за время их долгого супружества родила ему шестнадцать детей. Джорджиана принимала чету Греев в Девоншир-хаусе, причем с Мэри она по-настоящему подружилась и они обменивались теплыми письмами: «Милая Мэри, мое сердце молодеет от любви к моим детям и друзьям, в числе которых я считаю и Вас. Я люблю и ценю Вас и не могу найти слов, чтобы выразить, как сильно меня заботит Ваше счастье».

Чарльз Грей в пожилом возрасте

* * *

В первый раз Джорджиана простудилась в 1797 году, танцуя на балу в слишком открытом платье. Но ее болезнь усугубилась тяжелой глазной инфекцией. Бесс преданно ухаживала за своей подругой. Чтобы спасти герцогине Девонширской зрение, врачи вынуждены были сделать операцию, оставившую шрамы на ее лице, но даже обезображенная, Джорджиана продолжала быть популярнейшей светской дамой. Но ее одолевали все новые болезни: сначала чахотка, которую называли чумой XIX столетия, потом – болезнь печени, протекавшая настолько мучительно, что смерть стала для Джорджианы избавлением.

Герцогиня Девонширская умерла 30 марта 1806 года. Умерла на руках верной Бесс, благословив ее на брак с Уильямом Кавендишем.

Долги Джорджианы к моменту ее кончины были огромны. Конечно, она не успела их выплатить, оставила мужу, который выплачивал их оставшиеся до своей смерти годы.

Уильям Кавендиш ненадолго пережил Джорджиану и умер в 1811 году: супружеством со своей обожаемой Бесс он наслаждался всего два года.

Среди потомков Джорджианы Девонширской числится леди Диана Спенсер – «принцесса сердец», первая жена принца Чарльза. А среди потомков Бесс Фостер – Анна Винтур, главный редактор журнала «Vogue».

В 2008 году о Джорджиане Кавендиш был снят фильм «Герцогиня» с Кирой Найтли, Ральфом Файнсом и Хейли Атуэлл в ролях Джорджианы, Уильяма и Бесс. Сценаристы серьезно погрели против истины, выставив Бесс Фостер разлучницей, а Уильяма – бездушным тираном. Видимо, они не могли даже представить, что любовный треугольник может стать гармоничным союзом, удобным для всех вовлеченных в него лиц. Тем не менее, это было так. Герцог Девонширский и две его герцогини обрели свое странное счастье. Как сказала бы Джейн Остен: «Одной половине человечества всегда непонятно, почему что-то нравится другой».

Глава III

Мария Фитцгерберт, тайная жена принца-регента

Нельзя, чтобы женищина выходила замуж оттого лишь, что кто-то питает к ней привязанность и умеет сносно писать письма.
Джейн Остен

«Сим завещанием и моею последнею волею я завещаю, оставляю и передаю в случае моей кончины всю мою собственность всех разрядов и сортов, личную и иную, моей Марии Фитцгерберт, моей супруге, возлюбленной жене моего сердца и души моей».

Логично предположить, что таким прочувствованным завещанием облагодетельствовал свою жену некий мистер Фитцгерберт. Или даже какой-нибудь лорд Фитцгерберт, поскольку завещано было немало – особняк Карлтон-хаус со всеми портьерами, стульями, «столами простыми, инкрустированными и покрытыми бронзой», винами, книгами, коллекцией фарфора, серебряной посудой и прочими мелочами, необходимыми для беспечного вдовства. Однако нам не придется говорить о заботливом супруге по фамилии Фитцгерберт, потому что последнего никогда не существовало, а сей документ был составлен в 1796 году ни много ни мало принцем Уэльским, будущим Георгом IV, который в очередной раз возлег на смертном одре.

Принц любил притворяться умирающим, а составление завещаний, как, впрочем, и жалобных писем, действовало на него как общеукрепляющее. Наверное, поэтому он так и не удосужился заверить завещание, что превращало его скорее в трогательное любовное письмо, чем в юридический документ. Впрочем, когда Мария Фитцгерберт все же прочитала завещание, то была очень растрогана. Ее всегда радовало, что принц признает ее своей законной супругой.

Так оно, в сущности, и было.

Мария Фитцгерберт

* * *

Мэри Энн, Марию Фитцгерберт, простолюдинку, католичку, дважды вдову и тайную жену принца Георга IV, не назовешь Золушкой по двум причинам. Первая заключалась в том, что Мэри Энн Смит (или Смайт) родилась 26 июля 1756 года в зажиточной шропширской семье. Помещики Смиты владели землями не только в Англии, но и за границей, и их связи простирались не менее широко. Но что за старинная семья без скелетов в шкафу? У Смитов скелет, разумеется, имелся, да такой, что внушал ужас и отвращение консервативно настроенным согражданам.

Смиты были католиками. То есть англичанами, но как бы не совсем.

К католикам в Англии середины XVIII века отношение было настороженным. Поговаривали, что Папа Римский может освободить их от любой клятвы, включая клятву верности короне. А учитывая, что восстания якобитов, поддержавших католиков Стюартов, отгремели не так уж давно, на папистов посматривали косо. Чтобы как-то их обуздать, в разное время были приняты законы, ограничивавшие права католиков, пусть даже знатных. Так, католики не имели права заседать в парламенте, обучаться в Оксфорде или Кембридже, открывать школы или приобретать земли, а в 1692 году для помещиков «нехорошей» веры был введен двойной налог на собственность.

Тем не менее, лучшее средство от дурных законов – это их дурное исполнение. На бумаге выходило, что английским католикам уготована судьба парий, на деле же все выглядело не так печально. В теории родители должны были подавать на лицензию, чтобы обучать своих отпрысков в католических школах за рубежом. На практике никто за этим не следил. Опять же в теории пэры-католики не имели права появляться при дворе, однако они не только там появлялись, но и представляли монархам своих дочерей. Словом, деньги и титул способствовали религиозной терпимости. Но все равно мелкие пакости, вроде невозможности официально построить часовню, нет-нет да и отравляли папистам жизнь.

Несмотря на законодательные препоны, многие семьи аристократов веками придерживались старой веры, включая Смитов из Беркшира. Как и многие единоверцы, Уолтер и Клэр Смит отправили Мэри Энн, старшую дочь из восьмерых детей, получать образование в пансионе в Дюнкерке, что на севере Франции. Во время своего первого визита во Францию в 1760-х родители захватили маленькую Мэри Энн в Версаль, посмотреть, как обедает король Людовик XV. Но когда смешливая девочка увидела, как король разрывает курицу руками, она расхохоталась так громко, что привлекла его внимание. Ничуть не рассердившись, монарх приказал послать девочке блюдо леденцов. Видимо, это так ее ободрило, что до конца жизни Мэри Энн не стеснялась подшучивать над окружающими, какое бы положение они ни занимали.

О школе при монастыре у Мэри Энн сохранились самые нежные воспоминания. Уже много лет спустя, путешествуя по Континенту, она навестила монахинь и огорчилась, обнаружив их на грани разорения. Ничего не поделаешь, пришлось оказать родной школе спонсорскую помощь. Монахини так горячо благодарили свою ученицу, а теперь и благодетельницу, что закатали пир и позволили себе невиданное излишество – выпили по чашечке кофе.

Окончив образование, Мэри Энн вернулась в Англию в начале 1770-х, и родители почти сразу же сосватали ее за богатого вдовца Эдварда Уэлда, владельца замка Лалуорт в Дорсете. Жених был, конечно же, католиком. Разница в возрасте между почтенным вдовцом и юной мисс Смит составляла всего лишь 15 лет. Мужчина умный и опытный, он был очарован Мэри Энн, голубоглазой и темноволосой красавицей с изысканным орлиным носом (который потом не давал покоя карикатуристам). «Любовь, как понос – мешает человеку заниматься делом», – прозаично откликнулся на известие о предстоящей свадьбе младший брат Томас, пока мистер Уэлд свивал гнездышко для будущей жены. Опять же под неодобрительным взглядом брата он подарил невесте жемчужный браслет, собранный из тетушкиного ожерелья. Почему-то ожерелье Томасу было особенно жалко.

В июле 1774 года Мэри Энн и Эдвард Уэлд обвенчались в англиканской церкви. Согласно Брачному акту 1753 года, обычного обмена клятвами между женихом и невестой было недостаточно, и вступлению в брак отныне сопутствовали бюрократические проволочки – оглашение имен в церкви, получение лицензии и прочие совсем не романтические нюансы. Законодатели не упустили возможности ущипнуть католиков и запретили им венчаться по католическому обряду (проводить бракосочетания по своему обряду могли только иудеи и квакеры). Таким образом, католики или устраивали две свадьбы (частную по католическому обряду, публичную по англиканскому), или обходились одной англиканской, полагая, что Богу, в сущности, все равно.

Семейная жизнь пришлась Мэри Энн по душе, тем более что муж баловал ее подарками. На ее личные нужды выделялось 200 фунтов в год, а в случае вдовства она получала бы ежегодное пособие в размере 800 фунтов. Супруги проводили время в Лондоне, среди всего прочего посещая мессы в часовнях при посольствах, или же отдыхали в Лалуорте, роскошном поместье, где в парке щебетали соловьи, а в оранжерее зрели ананасы. Так продолжалось три месяца.

Идиллия достигла апогея, когда мистер Уэлд решил отписать жене вообще все имение и даже составил завещание. Дело оставалось за подписью, как вдруг в Мэри Энн взыграла любовь к природе. «Такой прелестный день! Ну как тут обойтись без конной прогулки?». Мистер Уэлд вскочил в седло, а домой его принесли уже слуги – он упал с коня и разбился насмерть. По крайней мере, именно так гласила семейная легенда.

Убедившись, что у вдовы не появился животик, обрадованный Томас Уэлд попросил ее прочь со своих земель. Он был не против выплачивать ей положенные 800 фунтов годовых, однако его мучил жемчужный браслет. Как можно так разбазаривать семейные реликвии? И мистер Уэлд попросил вернуть браслетик. Такая мелочность оскорбила вдову. Препирательства из-за жемчугов тянулись два года, но Мэри Энн все же удалось отстоять мужнин подарок.

Свое она никогда не упускала. Вообще никогда.

Второй супруг Мэри Энн, Томас Фитцгерберт из Суиннертон-холла, был не менее богат, чем первый, и тоже обожал жену. После свадьбы Мэри Энн сменила не только фамилию, но и имя, и с тех пор называлась Марией. Новое имя для новой жизни. Счастье было омрачено смертью малютки-сына, но супруги надеялись на лучшее.

Оптимизма добавлял и тот факт, что в 1770-х веротерпимость в Англии была на подъеме. В свете революции в североамериканских колониях и угрозы войны с Францией отношение к католикам потеплело. Прежде католиков в армию не брали, но теперь Англия испытывала острую нехватку пушечного мяса, а новые солдаты пришлось бы как нельзя кстати. И не лучше ли подружиться с католиками, прежде чем они примкнут к врагу? Тем более что католические пэры всячески выражали преданность короне. И вот в 1778 году был принят акт, смягчивший положение английских католиков. Им уже не возбранялось принимать сан священника или преподавать в школе, признавалось их право покупать и наследовать землю (раньше земельные владения мог отсудить родственник-протестант).

Вопреки всем надеждам, браку Марии с Томасом не суждено было стать долгим и счастливым. Причем укоротил его все тот же рост веротерпимости. Не всем англичанам понравилось, что паписты вот так просто, за здорово живешь, обрели свободы. Недовольство вылилось в мятежи.

2 июня 1780 года разбушевавшаяся орда (от 40 до 60 тыс. человек) прошла по Лондону, круша все на своем пути. Вдохновителем беспорядков был член парламента лорд Джордж Гордон, требовавший отмены акта 1778 года. Украсив шляпы синими кокардами, его сторонники шли по Лондону, выкрикивая: «Долой папистов!» Запыхали пожары: бунтовщики поджигали не только часовни, дома католиков и посольства католических стран, но также тюрьмы, шлагбаумы на мостах и вообще все, что подворачивалось под руку. В Холборне они добрались до перегонного завода, и особо рьяные хулиганы умудрились отравиться неочищенным джином. В общей сложности во время «гордоновских мятежей» погибло около 800 человек.⁴

---

⁴ Гордоновские мятежи легли в основу романа Чарльза Диккенса «Барнеби Радж».

Гордоновские мятежи

7 июня бунт был подавлен, но Марии Фитцгерберт было не до радости. В самый разгар волнений ее муж отправился проверить свои городские владения, вернулся домой весь в поту и сразу нырнул в ледяную ванну. Это окончательно подорвало его здоровье. По крайней мере, так гласит еще одна семейная легенда.

Лечение в Ницце не помогло Томасу, и в 1781 году Мария вновь овдовела.

1000 фунтов вдовой доли (в придачу к 800 от прежнего мужа) стали хорошим подспорьем. Миссис Фитцгерберт могла жить вольготно, путешествовать по Континенту или отдыхать на многочисленных английских курортах, самым популярным из которых становился Брайтон. Религиозность не мешала Марии получать от жизни все. Благодаря живому нраву и отменному чувству юмора, миссис Фитцгерберт отлично вписалась в светское общество. Держалась она независимо и знала себе цену, из-за чего прослыла гордячкой среди недоброжелателей. Склонность к полноте не портила ее, мужчины трепетали, заглядываясь на ее пышную грудь. В то же время католичка Мария не заходила в отношениях с джентльменами дальше флирта, а самых назойливых поклонников обдавала холодным презрением.

Но назойливость назойливости рознь. О пределах настойчивости – точнее, об их отсутствии – Мария узнала лишь когда ею заинтересовался принц Уэльский, наследник английского престола.

* * *

Ко времени их встречи в 1784 году принц Георг Август Фредерик успел снискать репутацию повесы, донжуана, транжиры и юноши столь же безответственного, сколь обаятельного. Этаким рубаха-парень, душа нараспашку. Он легко сходилась с людьми, обожал развлечения гастрономического и эротического толка и охапками срывал цветы удовольствий. Понятно, что консерваторы морщились при одном упоминании наследника, но либералы любили «Принни», хотя его выходка с Марией Фитцгерберт как раз и стала проверкой их любви и верности.

Принц Уэльский осчастливил все королевство своим рождением 12 августа 1762 года. При первых же его криках к королю, ожидавшемуся вестей в другом конце дворца Кью, был отправлен гонец, граф Хантингтон, чтобы сообщить отцу радостную весть и забрать награду: Георг Третий обещал 1000 фунтов за весть о мальчике и 500 – о девочке. В суматохе Хантингтон перепутал пол младенца и сказал королю, что родилась девочка. Вероятно, скуповатый король обрадовался, что можно сэкономить целых 500 фунтов. Зато принц Уэльский потом всю жизнь доказывал, что он мужчина, да еще какой!

Родители, безусловно, любили Георга, как и последующих 14 детей, из которых только двое скончались в раннем детстве. Но, как и было принято в высоких кругах, видели их довольно редко – бремя воспитания принцев и принцесс ложилось на плечи гувернанток, помощниц гувернанток и нянек. Когда принцы вырастали, для них приглашали учителей, которых выбирали не по уму, а по респектабельности. Их стараниями Георг все же получил недурное образование. Он бегло говорил на французском и немецком и даже знал иврит, играл на фортепиано и виолончели, прослыл знатоком архитектуры и стал коллекционером изящных искусств. Но сколько бы ни мучились с ним учителя, они так и не смогли привить ему основы религии и морали.

С детства Георг считался шалопаем, и родители печально вздыхали, выслушивая о его выходках. Впрочем, его вызывающее поведение было реакцией на их суровость: если отец и обращал внимание на сына, то в основном для того, чтобы задать ему порку. Пуританка-мать терзала мальчика сентенциями вроде «Беги от пороков» или «Лесть должно презирать». Настоящей, искренней родительской любви он не знал никогда и платил отцу с матерью той же монетой.

В глазах принца Уэльского королевский двор являл собой прескучное зрелище, и многие бы с ним согласились. Георг и Шарлотта старались жить просто и скромно, проводить досуг за чтением и музицированием, не устраивать чересчур роскошных приемов. Спартанский образ жизни распространялся на все – от одежды до еды. Казалось бы, подданные должны были ценить, что король не вытягивает из них деньги на свои личные нужды, но над Георгом часто насмехались из-за скупости, рисовали на него едкие карикатуры и за глаза называли «Фермер Джордж». Словом, Георг и Шарлотта воплощали те самые семейные ценности, которые затем отшлифовали подданные их внучки королевы Виктории. И нет ничего удивительного, что у таких добропорядочных, но чопорных родителей сыновья выросли мотами и повесами.

Словно желая отомстить им, принц Георг отрекся от всех их ценностей – кутил, проигрывался в пух и прах, тревогодничал так, что ему вскоре понадобился корсет, водил дружбу с оппозицией и, конечно же, был окружен толпой любовниц.

Его первой любовницей стала актриса, а в будущем и поэтесса Мэри Робинсон. Она прославилась ролью Пердиты из «Зимней сказки», и пылкий принц подписывал свои письма «Флоризель», по имени возлюбленного Пердиты. В одном из них он поклялся актрисе, что после своего совершеннолетия одарит ее 20 тысячами фунтов – поистине королевский подарок! Таких денег у Георга, конечно, не было и не предвиделось. Приблизительно через год Флоризелю наскучила Пердита, и он поспешил прочь от нее, позабыв про один важный момент – свое обещание в письменном виде. Королю пришлось выкупить письма сына за 5000 фунтов и назначить Мэри годовое пособие, чтобы замять это грязное дело.

Георг III изучает приготовление пирожков. Карикатура XVIII века

Уже тогда король понял, что сын обойдется государству в круглую сумму, но ничего поделать с этим не мог – аморальность принца не поддавалась контролю. С ней приходилось мириться, как со стихийным бедствием. Впрочем, кара за грехи все же настигнет принца в 1795 году, но в благословенных 1780-х он еще порхал и не думал о будущем.

Женскую благосклонность принц завоевывал весьма оригинально – забрасывал объект страсти жалобными письмами. Принц ныл, ныл и ныл, пока в женщинах не пробуждался материнский инстинкт. Учитывая, что Георг выбирал пассий обычно постарше, тактика была верной. На женщин ровного нрава хорошо действовал внезапный приступ болезни, для особ более строгих была заготовлена попытка самоубийства.

Хороший пример – его роман с женой ганноверского графа фон Гарденбурга. Получив от графини от ворот поворот, он прислал ей письмо, в котором живописал свое кровохарка-

ние. Чье сердце выдержит? Графиня ринулась утешать умирающего. Но история приняла серьезный оборот, как только про их связь узнал граф. Опасаясь мести иностранца, принц попросил у отца позволения бежать за границу, но ему было отказано. А когда графиня предложила принцу бежать вместе, он так разнервничался, что упал в обморок в материном будуаре. Королева надавила на мужа, и тот выслал обоих фон Гарденбургов из страны.

* * *

Увидев Марию в опере, Георг влюбился и приступил к осаде. Мария сочетала в себе все те черты, которые принц находил особенно привлекательными – пышная фигура (сам он тоже был полноват), зрелость суждений, гордый нрав и уверенность в себе и, в целом, самодостаточность. Кроме того, Мария оказалась старше его на 6 лет, что в глазах принца было огромным плюсом. Ведь в женщинах он искал замену своей отстраненной матери. Поначалу Мария отвечала на его пылкие ухаживания, однако сразу же установила границу – никаких плотских отношений. Никаких! Или, по крайней мере, до брака.

Принц Уэльский в образе Флоризеля

Впервые принц не знал, что ему делать. Требования Марии не возмутили его (да как она смеет, простолюдинка?), а скорее озадачили. Прежние любовницы не требовали от него настолько серьезных обязательств. В конце концов, брак для принца – это уже не частная сфера, а государственная.

Совет он попросил у своей подруги Джорджианы Кавендиш, герцогини Девонширской. Герцогиня посмеялась над вздорной идеей и пообещала поговорить с гордячкой. В частности, объяснить ей, какие именно препятствия существовали для ее брака с Георгом.

В сказке Золушке хватило стопы правильного размера и формы, чтобы породниться с королевской семьей. Реальность была куда суровее. Тем более в Англии, где законодатели давно уже задавались вопросом «Что будет, если король женится на католичке-простолюдинке?» Правильный ответ – «Этого в принципе не должно произойти». Акт 1701 года запрещал английским королям связывать себя узами брака с папистами, а Акт о королевском браке 1772 года и вовсе запрещал членам королевской семьи вступать в брак без согласия короля.

Закон 1772 года стал реакцией на скандальный брак Генриха, младшего брата короля, и вдовы Энн Хоттон, получившей после замужества титул герцогини Камберлендской. По мнению короля, не стоило разбрасываться титулами, и уж тем более герцогскую корону с золотыми клубничными листьями не заслуживала простолюдинка, чью сестру как-то раз поймали на воровстве.

Чтобы предотвратить подобные случаи, Георг III объявил недействительными любые браки принцев и принцесс, заключенные без его согласия. Уже позже, в 1793 году, его сын Август Фридрих обвенчался в Риме с леди Августой Мюррей. По приезду на родину упрямая чета устроила еще одну церемонию, на этот раз в церкви Святого Георгия на Ганновер-сквер. Август и Августа надеялись, что король поверит в серьезность их намерений, но Георг III аннулировал их брак. Долг превыше любви.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.